

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему «ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННО – ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)»

Выполнил

Куракин Александр Данилович
обучающийся по специальности

40.05.01 Правовое обеспечение
национальной безопасности,

2021 года набора, 112 учебного взвода

Руководитель

старший преподаватель кафедры
уголовного процесса

Ильясова Регина Ришатовна

К защите _____
рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры _____ В.С. Латыпов

Дата защиты «__» _____ 2026 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-правовые основы доказывания в уголовном судопроизводстве России.....	7
§ 1. Доказывание как уголовно-процессуальная категория: цель, сущность и значение.....	7
§ 2. Структура и элементы процесса доказывания в уголовном процессе.....	19
Глава 2. Актуальные правовые аспекты доказывания: противоречия и пути совершенствования.....	31
§ 1. Реализация полномочий защитника в процессе формирования доказательств: правовые барьеры и гарантии.....	31
§ 2. Доказательственное значение результатов оперативно-розыскной деятельности: проблемы правовой легитимации.....	41
Глава 3. Нравственно-этические параметры доказывания в уголовном процессе.....	51
§ 1. Этические принципы как основа формирования доказательств и внутреннего убеждения субъектов процесса.....	51
§ 2. Дилеммы соблюдения нравственных требований в практике доказывания.....	58
Заключение.....	72
Список использованной литературы.....	75

ВВЕДЕНИЕ

Формирование в России демократического правового государства и гражданского общества, основанного на верховенстве закона и безусловном уважении к достоинству личности, предопределяет возрастающие требования к качеству и легитимности уголовного судопроизводства. Ключевым механизмом, обеспечивающим реализацию назначения уголовного процесса, выступает доказывание – интеллектуально-практическая деятельность уполномоченных субъектов, направленная на установление истины по уголовному делу. Однако современное понимание этого института выходит далеко за рамки формальной процедуры собирания, проверки и оценки доказательств, регламентированной отечественным уголовно-процессуальным законодательством. Доказывание представляет собой сложный социально-правовой феномен, находящийся на пересечении права, морали и профессиональной этики, где правовые нормы выступают лишь внешним каркасом, наполняемым глубоким нравственным содержанием. Именно на стадии доказывания с особой остротой проявляется извечный конфликт между публичным интересом в эффективном раскрытии преступления и частным интересом в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения. Разрешение этого конфликта возможно лишь при условии гармоничного сочетания безупречного следования процессуальной форме с неукоснительным соблюдением фундаментальных этических принципов. В этой связи комплексное исследование доказывания сквозь призму диалектического единства его правовой регламентации и нравственно-этического наполнения представляется не только актуальной научной задачей, но и практической необходимостью для дальнейшего совершенствования отечественного правосудия.

Степень актуальности темы дипломного исследования детерминирована совокупностью взаимосвязанных факторов правового, социального и технологического характера. Во-первых, это перманентный процесс

трансформации отечественного уголовно-процессуального законодательства, который, с одной стороны, направлен на имплементацию международных стандартов справедливого судебного разбирательства, а с другой – должен адекватно реагировать на новые вызовы, связанные с усложнением криминальной среды и появлением высокотехнологичных способов совершения преступлений. Данная динамика неизбежно порождает лакуны и противоречия в доказательственном праве, требующие научного осмысления. Во-вторых, в общественном сознании и правоприменительной практике происходит постепенный, но неуклонный сдвиг от обвинительного уклона к признанию приоритета гуманистических и гарантийных начал процесса. Это ставит на повестку дня вопросы о нравственных границах допустимых методов расследования и о степени этической ответственности каждого участника процесса за свои действия. В-третьих, развитие цифровых технологий и расширение использования результатов оперативно-розыскной деятельности создают новые вызовы для традиционных доказательственных процедур, обнажая такие проблемы, как соблюдение прав человека при тотальном сборе данных и обеспечение права на защиту в условиях информационной асимметрии. Таким образом, изучение правовых и этических аспектов доказывания является востребованным направлением юридической науки, от результатов которого зависит эффективность и легитимность всего отечественного уголовного судопроизводства.

Целью настоящего дипломного исследования является осуществление многоаспектного теоретико-правового анализа института доказывания в уголовном процессе Российской Федерации, ориентированного на выявление и систематизацию проблем, возникающих на стыке его нормативной регламентации и нравственно-этического содержания, а также на разработку научно обоснованных предложений по оптимизации данного института.

Для достижения указанной цели в работе последовательно решается ряд взаимообусловленных задач:

- 1) осуществить историко-теоретическую реконструкцию понятия

доказывания, раскрыть его имманентные свойства, цели и значение в системе уголовно-процессуальных гарантий правосудия;

2) провести структурно-функциональный анализ процесса доказывания, детализировав содержание таких его элементов, как предмет, пределы, бремя и стадии, с учетом современных доктринальных подходов;

3) исследовать правовой статус адвоката-защитника как самостоятельного субъекта доказывания, проанализировать систему предоставленных ему законом полномочий и выявить фактические препятствия (правовые, организационные, психологические) их эффективной реализации на досудебных и судебных стадиях процесса;

4) критически осмыслить современный правовой режим использования в уголовном судопроизводстве сведений, полученных в рамках оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), оценить его на соответствие принципам непосредственности, состязательности и допустимости доказательств, а также сформулировать этические критерии их легализации;

5) сконструировать теоретическую модель нравственных основ доказывания, определив систему этических принципов (справедливости, законности, уважения достоинства, добросовестности, профессиональной ответственности), которые должны детерминировать поведение государственных обвинителей, защитников и судей при формировании внутреннего убеждения;

6) на основе исследования материалов территориального органа, судебной практики и научной литературы выявить и классифицировать типичные этические дилеммы и коллизии, возникающие в практической деятельности субъектов доказывания, и предложить возможные алгоритмы их разрешения.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере уголовного судопроизводства в связи с осуществлением деятельности по установлению и доказыванию обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, а также сопутствующие этим

отношениям морально-этические регуляторы поведения их участников.

Предмет исследования носит комплексный характер и включает российское законодательство, регламентирующее порядок и гарантии доказывания, а также общепризнанные принципы и нормы международного права, совокупность нравственных норм, профессионально-этических кодексов и сложившихся в юридическом сообществе профессиональных стандартов, формирующих этический каркас доказательственной деятельности.

Методологическую основу работы составили общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, системный подход, а так же частно-научные методы познания: историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Структура дипломной работы обусловлена логикой достижения цели и решения поставленных задач. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на шесть параграфов, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

§ 1. Доказывание как уголовно-процессуальная категория: цель, сущность и значение

Доказывание, осуществляемое на различных стадиях уголовного судопроизводства, представляет собой фундаментальный и системообразующий элемент всей уголовно-процессуальной деятельности. Его центральная роль предопределена самой сутью правосудия, направленного на восстановление картины прошлого события для принятия властных решений. Как совершенно справедливо отмечал в своих трудах И.Л. Бедняков, именно доказывание, понимаемое как процесс получения доказательств и оперирования ими, служит единственным легитимным инструментом для воссоздания реальной картины исследуемого события и, следовательно, достижения генеральных целей судопроизводства¹.

Законодательное закрепление этих целей содержится в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ). Согласно данной норме, назначение уголовного судопроизводства заключается в обеспечении комплексной защиты прав и законных интересов как лиц и организаций, пострадавших от преступных посягательств, так и личности от необоснованного обвинения, осуждения и несправедливого ограничения ее свобод. Для реализации этого двойного назначения – эффективного противодействия преступности при безусловной гарантии прав личности – по каждому уголовному делу необходимо добиться точного и объективного установления всей совокупности обстоятельств, имеющих юридическое значение. Только при таком условии, по меткому замечанию ряда

¹ Бедняков И.Л., Жирова М.Ю., Закотянская А.Ф. и др. Уголовный процесс: учебник. М., 2019. С. 64.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

процессуалистов, становится возможным корректно решить ключевые вопросы: о наличии в деянии состава преступления, о виновности конкретного лица и, в конечном итоге, о применении справедливой меры государственного принуждения.

Таким образом, объективное установление и последующее юридическое закрепление сведений о фактах, имевших место в прошлом, во всех их значимых для уголовного дела аспектах, достигается исключительно посредством целенаправленной деятельности по доказыванию. Вне этой доказательственной деятельности отправление правосудия утрачивает рациональную основу. Ключевые процессуальные решения суда, которые по закону должны быть законными, обоснованными и справедливыми, не могут таковыми являться без опоры на прочный, всесторонне проверенный доказательственный базис. Следовательно, проблемы теории и практики доказывания по праву занимают центральное место в системе российского уголовного процесса.

В науке уголовного процесса процедура доказывания традиционно рассматривается как особая форма познавательной деятельности, направленной на установление истины по делу, её глубокое познание и последующее аргументированное обоснование выдвигаемых тезисов о её содержании¹. Наиболее развернутые и концептуальные подходы к пониманию его природы были сформулированы в трудах видных ученых. Например, А.А. Афанасьева раскрыла сущность доказывания через единство его структурных элементов, таких как собирание, исследование, оценка и использование доказательств, и деятельностных аспектов, где неразрывно связаны познавательный момент, направленный на установление истины, и удостоверительный, фиксирующий ход и результаты познания в установленных процессуальных формах². Классик процессуальной науки М.С. Строгович

¹ Булатов Б.Б., Баранов А.М., Артамонов А.Н. и др. Уголовный процесс: учебник для вузов. 4-е изд., пер. и доп. М., 2013. С. 134.

² Латыпов В.С., Афанасьева А.А. Оптимизация процесса собирания доказательств по уголовным делам в досудебном производстве. М., 2025. С. 93.

отмечал целевую направленность этой деятельности, определяя доказывание как установление при помощи доказательств всех фактов, значимых для разрешения уголовного дела, или, иными словами, как использование доказательств для выяснения его обстоятельств¹. Эти концепции заложили прочный теоретический фундамент для современного понимания доказательственной деятельности как сложного синтеза гносеологического поиска и строгой юридической процедуры.

В научной литературе также распространен подход, согласно которому доказывание трактуется преимущественно в узкоинституциональном ключе – как профессиональная деятельность строго определенных государственных органов². В рамках данного подхода его часто определяют как «деятельность следственно-судебных и прокурорских органов по собиранию, закреплению и оценке доказательств». Еще более лаконичное определение предложил Ю.В. Францифоров, охарактеризовавший доказывание просто как «процесс установления фактов»³. Аналогичная позиция находит отражение и в современных работах, где под доказыванием понимается «осуществляемая в соответствии с требованиями процессуального закона деятельность органов расследования, прокуратуры и суда по собиранию, исследованию и оценке фактических данных об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу». Общей чертой приведенных дефиниций является акцент на «операциональной», процедурной стороне – непосредственной работе уполномоченных субъектов с доказательственным материалом⁴.

Параллельно в уголовном процессе существует иная, более широкая концептуальная линия, смещающая фокус с процедуры на глубинную цель.

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 49.

² Березовская А.А. Оценка доказательств в уголовном деле в условиях информатизации // Трансформация права: Материалы IV всероссийского научно-практического форума молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 22–27 ноября 2021 года). Екатеринбург, 2022. С. 802.

³ Францифоров Ю.В., Манова Н.С. Уголовный процесс: учебное пособие. 12-е изд., пер. и доп. М., 2019. С. 101.

⁴ Латыпов В.С., Афанасьева А.А. Оптимизация процесса собирания доказательств по уголовным делам в досудебном производстве. М., 2025. С. 102.

Авторы, развивающие эту линию, исходят из философско-гносеологической природы доказывания, рассматривая его как неотъемлемую часть познавательного процесса¹. Например, О.А. Зацепина отмечает уголовно-процессуальное доказывание как «форму опосредованного познания явлений объективной реальности, целью которого является достижение объективной истины»². В таком ракурсе доказывание предстает не просто как совокупность следственных и судебных действий, но как особый вид социального познания, облеченный в строгие юридические формы и направленный на реконструкцию исторического события.

Однако вопрос о принципиальной возможности достижения объективной истины в рамках уголовного судопроизводства остается дискуссионным и не имеет однозначного разрешения в науке. Следует согласиться с теми исследователями, которые указывают на принципиальные ограничения, присущие судебному познанию. Действительно, познание обстоятельств дела в полном соответствии с объективной действительностью далеко не всегда достижимо. Этот процесс часто наталкивается на непреодолимые практические препятствия: физическую утрату следов преступления, отсутствие свидетелей, активное противодействие заинтересованных лиц, что делает полную реконструкцию прошлого события невозможной³.

Более того, сама логика правоприменения в уголовном процессе вынужденно оперирует не только абсолютно установленными фактами. Как верно отмечается в литературе, в специфических условиях судопроизводства для выполнения его назначения правоприменителю приходится прибегать к особым юридическим конструкциям – фикциям, презумпциям и преюдициям⁴. Посредством этих инструментов фактические данные, которые не могут быть познаны с абсолютной достоверностью или оставляют разумные сомнения,

¹ Булатов Б.Б., Баранов А.М., Артамонов А.Н. и др. Уголовный процесс: учебник для вузов. 4-е изд., пер. и доп. М., 2013. С. 151.

² Зацепина О.А. Порядок действий (алгоритм) при использовании результатов ОРД в доказывании по уголовным делам // Отечественная юриспруденция. 2017. № 7(21). С. 53.

³ Березовская А.А. Указ. соч. С. 802.

⁴ Францифоров Ю.В., Манова Н.С. Указ. соч. С. 110.

условно принимаются за истинные в целях обеспечения непрерывности и завершенности процесса. Таким образом, уголовно-процессуальное познание по необходимости включает в себя элементы условности и формализации.

Следовательно, хотя достижение объективной истины через полное и всестороннее установление обстоятельств дела, бесспорно, представляет собой идеальную модель и высшую цель доказывания, в практической плоскости этот результат является скорее регулятивной идеей, чем обыденной реальностью. Необходимо признать, что итогом доказательственной деятельности практически всегда является не абсолютная, а относительная истина, или, иными словами, высокая степень вероятности установленных фактов¹. Даже в самых безупречных с процессуальной точки зрения делах сохраняется, пусть и минимальная, вероятность того, что отдельные значимые обстоятельства были установлены с теми или иными искажениями, не позволяющими говорить об их абсолютной тождественности объективной реальности. Это фундаментальное свойство судебного познания, проистекающее из его ретроспективного характера и ограниченности доступными средствами доказывания.

В рамках обозначенной дискуссии ряд авторов указывает на формирование в современной процессуальной науке определенной тенденции, которая заключается в переосмыслении традиционной цели доказывания. Как отмечается в литературе, в последнее время наметился явный сдвиг в сторону отрицания, как принципиальной возможности, так и практической необходимости безусловного постижения объективной истины по каждому уголовному делу. На смену этой классической категории, согласно данному взгляду, приходит концепция истины формальной, или процессуальной. Данную позицию, например, разделяет И.Г. Смирнова, которая полагает, что достижение объективной истины в рамках уголовного судопроизводства является невозможным, в силу чего суд в большинстве случаев вынужден

¹ Юдина М.В. Проблема определения добросовестного поведения в российской юриспруденции: теория и практика // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2025. № 2-2. С. 535.

ограничиваться именно истиной формальной, то есть юридически установленной и оформленной¹.

Таким образом, в идеале происходит совпадение этих двух аспектов истины: формальная, процессуально закрепленная картина события должна максимально соответствовать картине объективной, под которой понимается полное и абсолютное отражение реально имевших место фактов. Однако в практической плоскости такое совпадение выступает скорее как желательный ориентир, а не как обязательный результат. Развивая эту мысль, некоторые исследователи предлагают более широкое, интегративное понимание цели доказывания². Они считают, что данная цель охватывает собой не только объективную истину, но и истину юридическую. Иными словами, цель процесса доказывания считается достигнутой не только в гипотетическом случае абсолютного познания, но и тогда, когда все значимые обстоятельства дела установлены в тех пределах и с той степенью достоверности, которые законодатель определяет как достаточные для принятия окончательного и законного судебного решения.

Сформулированный подход, расширяющий содержание категории «истина» применительно к уголовному процессу, представляется наиболее взвешенным и конструктивным. Он позволяет преодолеть извечную дихотомию между недостижимым философским идеалом и прагматическими потребностями правосудия. С ним коррелирует и устоявшееся в теории доказательств представление, которое, как отмечает И.Г. Смирнова, рассматривает доказывание как специфическую форму познания прошлого события³. Это познание осуществляется уполномоченными субъектами в строго заданной процессуальной форме через обязательные этапы работы с доказательствами: их собирание, проверку и оценку. В подобных определениях

¹ Смирнова И.Г. Аксиологическая детерминанта достоверности доказательств через призму судебной практики // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1(75). С. 124.

² Роль юридических наук в развитии правовой культуры российского общества: сборник статей по материалам IV Межвузовской научной студенческой конференции (Владивосток, 20 марта 2025 года). Владивосток, 2025. 561 с.

³ Смирнова И.Г. Указ. соч. С. 124.

удачно сочетается указание на две неразрывные стороны деятельности: с одной стороны, на её познавательную, гносеологическую сущность, а с другой — на её особую процедурную, удостоверительную природу.

Исходя из этого, при рассмотрении сущностного содержания доказывания его правомерно характеризовать как единство двух взаимосвязанных компонентов: познавательного и удостоверительного. Познавательный компонент направлен на активный поиск, восстановление и анализ информации о событии. Удостоверительный же компонент обеспечивает фиксацию хода и результатов этого познания в установленных законом формах, придавая им юридическую силу. Такой двуединый характер деятельности находит отражение и в подходах, акцентирующих её конечную цель. Например, А.Р. Белкин в сущностном плане понимает доказывание именно как процесс познания, центральной задачей которого является установление истины – в том интегральном смысле, который был рассмотрен выше¹. Это позволяет рассматривать уголовно-процессуальное доказывание не как простую техническую процедуру, а как сложный вид социально-правовой деятельности, в котором органично слиты поиск знания и его официальное признание.

В уголовно-процессуальной науке продолжается активная дискуссия относительно гносеологического статуса деятельности по доказыванию². Ключевой вопрос заключается в том, следует ли рассматривать уголовно-процессуальное познание в качестве особой, самостоятельной разновидности познавательной деятельности, обладающей уникальными качественными характеристиками, или же оно является лишь частным случаем применения общих законов человеческого познания к специфической предметной области.

По этому вопросу сформировались две основные теоретические позиции. Сторонники первой точки зрения исходят из принципа всеобщности и единства

¹ Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 127.

² Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. М., 2018. 304 с.

познавательного процесса¹. Они полагают, что не существует и не может существовать какой-либо принципиально особой, «судебной» методологии познания истины. С их точки зрения, субъект доказывания – будь то следователь или судья – в своей мыслительной деятельности подчиняется тем же фундаментальным законам, что и исследователь в любой другой сфере. Его путь к знанию лежит от чувственного восприятия конкретных фактов и свойств доказательств к их логическому анализу, синтезу и рациональному осмыслению, что в конечном итоге приводит к формированию выводов об обстоятельствах дела. Таким образом, специфика заключается не в самом механизме познания, а лишь в объекте, на который он направлен, и в условиях его применения.

Оппоненты данной позиции², не отрицая того, что доказывание базируется на общих гносеологических принципах и включает в себя все ключевые стадии познания, акцентируют внимание на его глубокой специфике. Они утверждают, что доказывание в уголовном судопроизводстве обладает целым рядом существенных особенностей, которые коренным образом отличают его от иных форм познавательной активности человека. Эти особенности проистекают из уникальных условий, в которых данный процесс протекает, и налагаемых на него правовых ограничений. Именно совокупность этих черт, по мнению сторонников данной концепции, позволяет говорить об уголовно-процессуальном доказывании как об особой разновидности познания.

Во-первых, доказывание осуществляется в строго определенном правовом контексте – в связи с производством по уголовному делу о деянии, запрещенном уголовным законом. Следовательно, его цель носит не абстрактно-познавательный, а сугубо практический и юридически обусловленный характер. Оно направлено на установление не произвольного набора фактов, а строго ограниченного круга обстоятельств, которые имеют

¹ Мельников В.Ю., Долгополов К.А. Проблемные вопросы уголовного права и процесса. Т. 1. Ростов н/Д, 2021. 538 с.

² Козявин А.А. Основы теории социального назначения и функций уголовного процесса: учебное пособие. Курск, 2013. 316 с.

непосредственное значение для решения конкретных задач правосудия: законного и обоснованного расследования преступления, привлечения к ответственности виновного и объективного разрешения дела судом – единственным органом, уполномоченным выносить окончательный вердикт.

Во-вторых, предмет доказывания является законодательно формализованным и предельно узким. Он исчерпывающим образом определен в статье 73 УПК РФ как совокупность конкретных обстоятельств, подлежащих обязательному установлению. Это резко контрастирует со свободным выбором предмета исследования в научном или обыденном познании.

В-третьих, и это наиболее важный аспект, уголовно-процессуальное доказывание отнюдь не сводится к внутренней, мыслительной деятельности следователя или судьи. В соответствии с нормативным закреплением в статье 85 УПК РФ, оно представляет собой внешне выраженную, регламентированную законом деятельность. Эта деятельность состоит из четко обозначенных этапов – собирания, проверки и оценки доказательств, каждый из которых облечен в конкретные процессуальные формы. Таким образом, познание здесь неотделимо от процедуры, а достоверность выводов напрямую зависит от соблюдения установленных правил их получения и фиксации. Именно это неразрывное единство интеллектуального поиска и строгой юридической процедуры и составляет, по мнению многих ученых, сущностную особенность доказывания как особой формы познания в уголовном процессе.

В этой связи в научной литературе справедливо подчеркивается, что процесс доказывания неизбежно включает в себя оценочный компонент. Речь идет о критическом анализе устанавливаемых обстоятельств с точки зрения их достоверности, то есть степени соответствия объективной реальности. При этом оценке подлежит не только содержание отдельных фактов, понимаемых как материальные фрагменты прошлого, но и вся совокупность связей между ними, их взаимные отношения, а также выявленные закономерности. Такой комплексный анализ необходим для формирования целостной, логически непротиворечивой и доказательной картины события.

Важно понимать, что доказывание в уголовном процессе обладает не только гносеологической, познавательной стороной, но и сугубо практической юридической составляющей, которую можно определить как его процессуальную форму. Эта форма представляет собой не просто внешнюю оболочку, а содержательный механизм, который выполняет несколько ключевых функций. Во-первых, она обеспечивает наиболее целесообразный и эффективный порядок установления истины по делу, поскольку в процессуальных нормах закреплены проверенные практикой оптимальные алгоритмы поиска, проверки и анализа информации. Во-вторых, строгая процедура служит гарантией защиты прав и законных интересов всех участников судопроизводства, не позволяя доказыванию превратиться в произвольный сыск. В-третьих, процессуальная форма обеспечивает детальную фиксацию каждого этапа доказательственной деятельности. Это создает необходимые условия для последующей проверки собранных доказательств как другими субъектами процесса, обладающими властными полномочиями, так и для перепроверки в вышестоящих инстанциях, что в итоге способствует достижению достоверных выводов.

Процессуальная форма также налагает строгие ограничения на используемый инструментарий. В качестве средств доказывания могут применяться только те способы и источники получения информации, которые прямо предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством. Это исключает произвол и обеспечивает единообразие практики.

Еще одной важной особенностью является срочный характер уголовно-процессуального доказывания. Оно осуществляется в рамках строго установленных законом процессуальных сроков для каждого этапа производства. Эта временная ограниченность вводит дополнительные параметры эффективности и требует от субъектов доказывания оперативности и организованности.

Существенной чертой, радикально отличающей судебное познание от иных его видов, является его протекание в условиях конфликта. Как верно

отмечает Е.В. Селина, ни в одной другой области познавательной деятельности исследователю не противостоит субъект, который кровно заинтересован в неудаче всего процесса, нередко остающийся неизвестным и готовый использовать любые средства для сокрытия истины¹. Этот состязательный и часто противоборствующий характер уголовного процесса накладывает глубокий отпечаток на методику доказывания, требуя особой тщательности, критичности и предусмотрительности от лиц, его осуществляющих.

Наконец, сама возможность осуществления доказывания в столь сложных и конфликтных условиях обеспечивается применением мер государственного принуждения. Именно властные полномочия государства позволяют, независимо от воли и желания отдельных участников процесса, обеспечить явку, истребование документов, производство обысков и других следственных действий. Без этого принудительного механизма получение необходимых доказательств и достижение целей правосудия было бы принципиально невозможным. Таким образом, доказывание предстает как деятельность, органично сочетающая интеллектуальный поиск истины с реализацией государственно-властных полномочий в строгих правовых рамках.

В уголовно-процессуальной науке существует важное теоретическое разграничение, связанное с двояким толкованием самой категории доказывания. Доказывание традиционно понимается в широком и узком смыслах. Широкий смысл охватывает всю совокупность познавательной деятельности участников процесса, включая не только логическую оценку, но и практические действия по собиранию и проверке доказательств. В узком же смысле доказывание сводится к логико-аргументационной деятельности, то есть к процессу обоснования выдвигаемого тезиса перед другими участниками судопроизводства².

¹ Селина Е.В. Нравственные начала уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 4. С. 799.

² Медведев С.И., Щелконогова И.С. Нравственные основы в доказывании уголовных дел // Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции: Материалы внутриведомственной научно-практической конференции (Волгоград, 30–31 марта 2022 года). М., 2022. С. 107.

Данная концепция является общепризнанной и находит отражение в трудах многих процессуалистов. Так, доказывание в широком смысле определяется как целенаправленная деятельность уполномоченных субъектов по установлению истинности обстоятельств уголовного дела с помощью доказательств, включающая в себя три ключевых элемента: собирание, исследование и оценку доказательственного материала. В узком смысле оно рассматривается как деятельность, направленная именно на обоснование своей позиции, на убеждение в её истинности других лиц, в первую очередь – суда.

Эта смысловая двойственность непосредственно проецируется и на понятие «обязанность доказывания». Однако в обоих значениях бремя этой обязанности, в силу действия конституционного принципа презумпции невиновности ст. 49 Конституции Российской Федерации, возлагается законодателем исключительно на должностных лиц стороны обвинения. Именно они должны активно собирать, проверять и представлять доказательства, обосновывающие выдвинутое обвинение. Иные участники процесса, например, подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший или его представитель, наделены правом, а не обязанностью участвовать в доказывании. Они могут представлять доказательства, заявлять ходатайства об их истребовании, участвовать в их исследовании, тем самым выступая в качестве субъектов доказывания, но юридическая обязанность доказать виновность на них никогда не лежит.

Таким образом, как в научных исследованиях, так и в учебной литературе, когда речь идет о доказывании в контексте уголовного процесса, обычно подразумевается его широкое понимание. Именно это понимание соответствует комплексному характеру деятельности по установлению обстоятельств дела. Аналогично, и термин «обязанность доказывания» трактуется в широком смысле как обязанность органов обвинения осуществлять всю полноту доказательственной деятельности для установления истины.

Синтезируя изложенные теоретические подходы, а также исходя из нормативного содержания статьи 85 УПК РФ, которая определяет доказывание через собирание, проверку и оценку доказательств, и учитывая интегративное понимание его цели, можно сформулировать следующее авторское определение: «доказывание в уголовном судопроизводстве – это регламентированная законом познавательной-удостоверительная деятельность уполномоченных субъектов, направленная на установление истины по уголовному делу». Данная деятельность осуществляется в особых процессуальных формах посредством собирания, проверки и оценки доказательств и преследует цель выявления обстоятельств дела в том объеме и с той степенью достоверности, которые необходимы и достаточны для достижения назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в статье 6 УПК РФ.

§2. Структура и элементы процесса доказывания в уголовном процессе

Содержание доказательственной деятельности в российском уголовном процессе, как это следует из системного толкования статьи 85 и положений главы 11 УПК РФ, образует комплекс взаимосвязанных действий, направленных на работу с доказательствами. Этот комплекс традиционно структурируется вокруг трех базовых элементов: собирания, проверки и оценки доказательств. Именно данная триада закреплена законодателем в качестве нормативной модели процесса доказывания.

Однако в теоретической доктрине не существует абсолютно единого мнения относительно состава и наименования этих структурных компонентов. Различные ученые предлагали свои, более детализированные классификации. Например, А.М. Ларин выделял в качестве самостоятельных этапов поиск и обнаружение доказательств, а также их последующее закрепление¹.

¹ Ларин А.М. Доказывание и предпроцессуальная деятельность защитника // Адвокатура и современность. М., 1987. С. 89.

И.А. Бастрыкин говорит об обнаружении доказательств, их рассмотрении и процессуальном закреплении¹. Подобное разнообразие подходов свидетельствует о сложности и многогранности самой деятельности по собиранию, которая не может быть сведена к простому однозначному действию.

Несомненно, что собирание доказательств является первичным и фундаментальным элементом всего процесса доказывания. Без него последующая проверка и оценка становятся невозможными. Важно подчеркнуть, собирание не следует понимать упрощенно, как простое «завладение» уже готовыми доказательствами, существующими в материальном мире. В реальности существуют лишь материальные и идеальные следы события, несущие в себе информацию о нем. Собирание доказательств по своей сути и представляет собой деятельность по целенаправленному восприятию этой информации с помощью специальных процессуальных средств и её надежному процессуальному закреплению для последующего использования. Таким образом, следует включить в понятие собирания три взаимосвязанные операции: отыскание источников информации, их непосредственное восприятие и окончательную фиксацию доказательств в установленном порядке. Аналогичная позиция находит отражение в работах других видных процессуалистов. Так, А.А. Козявин определяет собирание как единство двух равнозначных моментов: обнаружения фактических данных и их процессуального закрепления, то есть фиксации в материалах уголовного дела². Это подчеркивает, что обнаруженная информация обретает статус доказательства только после её оформления в строгом соответствии с требованиями закона.

Основным и наиболее значимым способом осуществления деятельности по собиранию доказательств в российском уголовном процессе традиционно считается производство следственных действий. Как указывает И.Д. Назаров,

¹ Бастрыкин А.И. Об объективной истине в уголовном процессе: история и современность // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 18–29.

² Козявин А.А. Указ. соч. С. 246.

следственные действия исторически и по сей день рассматриваются в качестве основного инструментария для решения задач доказывания; их производство является ключевым способом не только собирания, но и последующего исследования доказательств, что и составляет их главное процессуальное назначение¹.

На основе анализа приведенных подходов представляется обоснованным рассматривать содержание собирания доказательств как последовательную цепочку взаимосвязанных элементов. В эту цепочку входят:

1. Обнаружение доказательств – активная деятельность по выявлению источников, потенциально содержащих информацию, имеющую значение для дела.

2. Получение доказательств – непосредственное извлечение информации из обнаруженного источника в ходе предусмотренных законом процедур.

3. Фиксация доказательств – документальное, вещественное или техническое оформление полученных данных в строго установленной форме, придающее им юридическую силу доказательства по уголовному делу.

Такой трехуровневый подход позволяет наиболее полно раскрыть сущность собирания доказательств как сложной, регламентированной деятельности, преобразующей информацию о событии в юридически значимые аргументы.

Обнаружение доказательств представляет собой начальную и необходимую стадию их собирания, суть которой заключается в целенаправленном отыскании, выявлении и идентификации тех фактических данных, которые впоследствии могут приобрести доказательственное значение². Собираание возможно лишь в отношении той информации, которая была предварительно разыскана и стала известна субъекту, осуществляющему доказывание. Данный элемент деятельности чаще всего реализуется в ходе

¹ Назаров И.Д. Нравственные проблемы тактики судебного доказывания // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1, № 2. С. 134.

² Строгович М.С. Указ. соч. С. 157.

производства тех следственных действий, которые по своей природе носят поисковый характер. К ним, прежде всего, относятся осмотр места происшествия, обыск, выемка, освидетельствование, в рамках которых происходит активное выявление материальных следов преступления, документов или иных источников информации. Однако уголовно-процессуальное законодательство не ограничивает способы собирания доказательств исключительно производством следственных действий. Наряду с ними, существует иная, менее формализованная инструментальная, к которой в теории традиционно относят истребование и представление доказательств. В отличие от следственных действий, инициируемых и проводимых властным субъектом по собственной воле, данные способы характеризуются иной динамикой. Истребование предполагает направление органом расследования, прокурором или судом официального запроса о предоставлении необходимых предметов или документов от организаций, учреждений или граждан¹. Представление же является инициативным действием со стороны участников процесса, которые добровольно передают в распоряжение следствия или суда имеющиеся у них сведения, предметы или документы. Законодатель не детализирует специальную процедуру для этих способов, что порождает дискуссию об их правовой природе. Отдельные исследователи справедливо указывают на то, что представление доказательств является по сути пассивной для государственных органов формой их получения, поскольку зависит от воли и активности иных лиц. Также в литературе высказывается точка зрения, согласно которой истребование и представление следует рассматривать в качестве самостоятельных процессуальных действий, отличных от следственных, но имеющих равное с ними значение в контексте формирования доказательственной базы².

Важное практическое признание этих способов содержится в разъяснениях высших судебных инстанций. Так, Пленум Верховного Суда

¹ Бедняков И.Л., Жирова М.Ю., Закотянская А.Ф. и др. Указ. соч. С. 65.

² Строгович М.С. Указ. соч. С. 234.

Российской Федерации неоднократно указывал, что в целях вынесения законного и справедливого решения суд, в том числе апелляционной инстанции, обязан оказывать содействие сторонам в собирании доказательств¹. Это содействие включает, помимо прочего, и право истребовать по ходатайству сторон необходимые справки, характеристики и иные документы от государственных органов и организаций. При этом представленные таким образом дополнительные материалы подлежат обязательной проверке и оценке наряду со всеми другими доказательствами по делу.

Завершающей и неотъемлемой составляющей процесса собирания является фиксация доказательств. Требование соблюдения установленной законом формы делает эту стадию обязательной, поскольку именно акт фиксации придает полученным сведениям юридический статус доказательства. Конкретные формы фиксации напрямую зависят от вида проводимого процессуального действия и могут включать составление протокола, изготовление слепков и оттисков, фото-, видео- и аудиозапись, приобщение к делу вещественных доказательств и документов.

Назначение строгих правил фиксации носит многогранный характер. Во-первых, эти правила гарантируют максимально точное и полное отражение полученной информации в материалах уголовного дела. Во-вторых, они создают необходимые условия для её сохранности и неизменности в будущем. В-третьих, они служат важной гарантией достоверности доказательств, обеспечивая возможность проверить законность и корректность их получения². Наконец, процедурные формальности выступают в качестве средства защиты прав и законных интересов граждан, вовлеченных в процесс. Именно поэтому нарушение установленного законом порядка собирания и, в особенности, фиксации доказательств влечет за собой утрату полученной информацией своей юридической силы, то есть признание доказательства недопустимым.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1.

² Бедняков И.Л., Жирова М.Ю., Закотянская А.Ф. и др. Указ. соч. С. 71.

Следующей после собирания фундаментальной стадией доказывания выступает проверка доказательств. В научной литературе существует определенная терминологическая вариативность при описании этой деятельности. Ряд авторов предпочитают использовать понятие «исследование доказательств». Так, Р.С. Белкин под исследованием понимает процесс познания следователем или судом содержания доказательств и формирования убеждения в их достоверности¹. По сути, в данном контексте «исследование» является синонимом проверки, направленной на установление надежности, подлинности и согласованности полученных сведений.

Подобный подход, ставящий знак равенства между проверкой и исследованием, в некоторой степени лишает проверку её самостоятельного процессуального статуса, растворяя её в более широкой познавательной деятельности. Несмотря на существующую в теории тенденцию к объединению этих понятий, для целей детального научного анализа и совершенствования практики правоприменения представляется и необходимым, и продуктивным условное разграничение процесса доказывания на отдельные логические и процессуальные элементы. Такая структуризация позволяет более четко выявить содержание, методы и задачи каждого этапа работы с доказательствами. Как справедливо отмечает И.Д. Назаров, изначально в объективной реальности не существует «готовых» доказательств в процессуальном смысле². Существуют лишь материальные и идеальные следы события, несущие информацию о нем. Субъект доказывания, воспринимая и преобразуя эту информацию в установленной законом форме, придает ей статус доказательства. Однако сам по себе акт придания формы не гарантирует достоверность.

Поэтому все собранные сведения, претендующие на роль доказательств, должны подвергнуться обязательной и целенаправленной проверке со стороны уполномоченного субъекта. Проверка – это активная деятельность по

¹ Белкин Р.С. Избранные труды. М., 2009. С. 279.

² Назаров И.Д. Указ. соч. С. 131–138.

установлению доброкачественности доказательственной информации¹. Она направлена на выяснение следующих ключевых аспектов: законности источника и способа получения сведений, компетентности лица, их предоставившего, наличия или отсутствия противоречий внутри одного доказательства, а также сопоставление полученных данных с другими материалами дела для выявления согласованности или, напротив, нестыковок. Только пройдя эту стадию критического анализа и подтвердив свою надежность, сведения окончательно конституируются в качестве полноценного уголовно-процессуального доказательства, пригодного для итоговой оценки. Таким образом, проверка выступает необходимым фильтром и связующим звеном между сбором сырой информации и её квалифицированной оценкой как основы для процессуальных решений.

Проверку доказательств не следует отождествлять с их исследованием, под которым в процессуальной теории чаще понимается непосредственное познание содержательной стороны информации, её смысла и значения для дела. Однако это разграничение не означает изолированности данных этапов; напротив, они находятся в состоянии тесной и диалектической взаимосвязи в рамках единого процесса доказывания. Между элементами доказывания существует преемственная связь: начальный этап сбора информации уже содержит в себе зачатки последующей всесторонней проверки, а сама проверка, в свою очередь, формирует объективный фундамент для проведения полноценной и обоснованной оценки.

Таким образом, в теоретическом и практическом дискурсе мы сталкиваемся с ситуацией, когда термин «проверка доказательств» используется в двух взаимосвязанных, но различных смыслах. С одной стороны, проверка понимается как самостоятельный и структурированный элемент процесса доказывания, который логически следует за сбором информации и предшествует оценке. В этом значении она представляет собой

¹ Гаврилов Б.Я., Бобров В.К., Божьев В.П. и др. Уголовный процесс: учебник. 9-е изд., пер. и доп. М., 2024. С. 57.

систему действий, прямо предусмотренных статьей 87 УПК РФ, таких как сопоставление доказательств между собой, установление их источников, получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое. С другой стороны, проверка осуществляется непосредственно в ходе собирания информации, выступая как неотъемлемая составляющая каждого следственного или иного процессуального действия. Например, в момент допроса следователь не только фиксирует показания, но и тут же анализирует их на предмет внутренней согласованности, задавая уточняющие и контрольные вопросы, что уже является формой текущей проверки.

Завершающим звеном в классической триаде элементов доказывания выступает оценка доказательств. Её значимость как самостоятельной стадии признавалась ещё в период действия советского уголовно-процессуального законодательства. Уже тогда учёные определяли оценку как особую мыслительную деятельность, направленную на определение по внутреннему убеждению следователя или судьи допустимости, относимости, достоверности каждого доказательства в отдельности, а также достаточности и взаимной связи всей их совокупности для принятия процессуального решения.

Принципиальное различие между проверкой и оценкой, несмотря на их тесную связь, наиболее чётко можно провести по критерию характера деятельности. Как указывает Е.А. Цымбалюк, оценка доказательств представляет собой сугубо интеллектуальную, логико-мыслительную операцию, протекающую во внутреннем убеждении субъекта доказывания¹. В то время как проверка всегда имеет практико-организационный аспект: она воплощается в конкретных действиях по сопоставлению, истребованию, производству экспертиз и т.д. Результаты этих практических действий, полученные новые сведения или установленные факты, как раз и становятся предметом последующей мыслительной оценки. Содержательным

¹ Цымбалюк Е.А., Подопригора А.А. Нравственные основы доказывания в уголовном процессе России // Правовой порядок и юридическая деятельность: Сборник научных статей II Всероссийской национальной конференции студентов, магистрантов и молодых ученых (Ростов-на-Дону, 07 февраля 2023 года) / Под ред. А.В. Фёдорова, Г.С. Працко. Ростов н/Д, 2023. С. 422.

подтверждением проверяемого доказательства служит получение информации, тождественной или согласующейся с той, что в нём содержится. Таким образом, проверка создаёт эмпирическую базу для оценочных суждений, а оценка придаёт проверенным данным окончательное процессуальное значение, определяя их силу и место в системе аргументации по делу.

Опираясь на позицию М.В. Юдиной¹, оценку доказательства можно определить как формирование вывода о его достоверности или, напротив, недостоверности, а также о доказанности либо недоказанности того факта, информацию о котором оно содержит. Представляется, что в подобной трактовке наблюдается определённое слияние двух различных логических операций: непосредственной оценки свойств самого доказательства как носителя информации и итоговой оценки результата всего процесса доказывания в отношении конкретного обстоятельства дела. Фактически, происходит объединение оценки средства доказывания с оценкой достигнутого им познавательного эффекта.

Таким образом, синтезируя изложенные точки зрения, оценку доказательств в современном уголовном процессе правомерно понимать как интеллектуально-логическую деятельность уполномоченных субъектов, направленную на определение процессуальной ценности собранных сведений. Данная деятельность включает установление принципиальной возможности использования информации в качестве доказательства, детальный анализ её качественных характеристик, выявление системных взаимосвязей между отдельными доказательствами и окончательное определение их доказательственного значения для принятия итоговых процессуальных решений.

Краеугольным камнем этой деятельности выступает принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению, который является одним из фундаментальных начал современного демократического уголовного судопроизводства. Данный принцип нашел свое прямое законодательное

¹ Юдина М.В. Указ. соч. С. 536.

закрепление в статье 17 УПК РФ. Согласно её положениям, судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь и дознаватель наделены правом оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению. Это убеждение должно формироваться на основе всестороннего анализа всей совокупности доказательств, имеющих в уголовном деле, при безусловном руководстве законом и совестью. Важнейшим следствием данного принципа является норма о том, что никакие доказательства не обладают заранее установленной силой, что знаменует собой окончательный разрыв с исторической теорией формальных доказательств и утверждает свободу судебной оценки.

При этом необходимо подчеркнуть, что внутреннее убеждение, о котором говорит закон, отнюдь не является синонимом субъективного произвола или неконтролируемого мнения. Как справедливо отмечается в научной доктрине, этот принцип с необходимостью предполагает, что формируемое убеждение должно быть основано на скрупулезном, всестороннем и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их системной взаимосвязи. Внутреннее убеждение – это не интуитивная догадка, а обоснованный вывод, логическая состоятельность и доказательная база которого могут и должны быть выявлены и проверены через апелляцию к материалам уголовного дела. Следовательно, свобода оценки органично сочетается с требованием её максимальной аргументированности, рациональности и обоснованности, что обеспечивает справедливость и законность принимаемых решений.

Подводя итоги исследованию, изложенному в первой главе, представляется возможным сформулировать следующие ключевые выводы, раскрывающие сущность, цель и структуру доказывания в российском уголовном процессе:

- 1) Системообразующая роль доказывания. Согласно устоявшейся теоретической концепции, доказывание представляет собой фундаментальную, системообразующую составляющую всей уголовно-процессуальной деятельности. Именно посредством целенаправленной доказательственной работы достигается основная задача судопроизводства: объективное

установление и последующее надлежащее юридическое закрепление сведений о событии преступления во всех аспектах, имеющих правовое значение. Без осуществления доказывания легитимное разрешение уголовного дела является принципиально невозможным.

2) Дискуссионный характер цели доказывания. Вопрос о конечной цели доказывания на протяжении длительного времени является предметом активной научной дискуссии. Классическая советская процессуальная доктрина определяла эту цель как достижение объективной истины, то есть полного и абсолютного соответствия выводов следствия и суда реально имевшим место обстоятельствам. Однако такой идеал, сохраняя свою методологическую и ценностную значимость в качестве высшего ориентира, на практике сталкивается с непреодолимыми ограничениями, обусловленными ретроспективным характером познания, неполнотой следовой картины, противодействием заинтересованных лиц и другими объективными факторами.

3) Концепция формальной истины как практическая цель. В связи с указанными практическими ограничениями в доктрине и правоприменении утвердилась более реалистичная позиция. Согласно ей, непосредственным результатом процессуальной деятельности в большинстве случаев является установление формальной истины. Это означает, что обстоятельства дела считаются установленными не в абсолютном, а в том значении, которое им придается на основе всей совокупности доказательств, признанных допустимыми и достоверными в строгом соответствии с процедурой, регламентированной УПК РФ. Таким образом, идеальной является ситуация совпадения формальной истины с истиной объективной, но практически достижимой и юридически достаточной целью выступает именно истина, установленная в рамках закона.

4) Доказывание в уголовном процессе представляет собой регламентированную законом деятельность, структурированную вокруг трех взаимосвязанных этапов: сбор, проверка и оценка доказательств. Основным способом сбора является производство следственных действий,

также закон предусматривает иные способы, такие как истребование и представление доказательств. Все собранные сведения затем подвергаются обязательной проверке для установления их доброкачественности, согласованности и устранения противоречий. Завершающей стадией является оценка доказательств – интеллектуально-логическая деятельность по внутреннему убеждению, в ходе которой определяются их относимость, допустимость, достоверность и достаточность для принятия итогового процессуального решения. Именно оценка придает проверенным данным окончательный юридический смысл, позволяя сделать вывод об установлении обстоятельств дела.

Таким образом, доказывание предстает как сложный, многостадийный процесс, сочетающий практические действия по сбору информации с глубокой интеллектуальной работой по её анализу и интерпретации, направленный на установление судебной истины как основы для правосудного решения.

ГЛАВА 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

§ 1. Реализация полномочий защитника в процессе формирования доказательств: правовые барьеры и гарантии

Вопрос о полноценном и эффективном участии адвоката-защитника в процессе доказывания по уголовному делу является одним из центральных в дискуссиях о природе современного российского уголовного судопроизводства. Активная доказательственная деятельность защитника справедливо рассматривается не как второстепенная или вспомогательная функция, а как ключевой элемент обеспечения реальной, а не декларативной защиты прав и законных интересов обвиняемого или подозреваемого. Участие защитника в собирании, проверке и представлении доказательств служит одной из важнейших гарантий того, что установление обстоятельств дела будет носить всесторонний, полный и объективный характер. Это требование, хотя и не всегда прямо сформулированное в конкретных нормах УПК РФ, вытекает из самой логики состязательного процесса и принципа равноправия сторон.

Кроме того, вовлеченность защитника в доказывание позволяет преодолеть риски превращения его фигуры в сугубо декоративную, призванную создавать лишь видимость предоставленных законом гарантий. Напротив, наделение защитника реальными возможностями по формированию и представлению своей доказательственной базы обеспечивает ему действенный механизм влияния на ход и результаты всего процесса доказывания. Такое влияние является необходимой составляющей подлинной состязательности. Именно в результате процессуального противоборства, столкновения аргументов и доказательственных версий стороны обвинения и стороны защиты, у суда, занимающего позицию независимого арбитра, появляется возможность получить максимально полную и объективную картину события для его законного и справедливого разрешения.

В этой связи следует решительно отвергнуть устаревшие и несостоятельные взгляды, согласно которым адвокат-защитник воспринимается как лицо, создающее искусственные препятствия на пути к установлению истины. Подобная позиция не только игнорирует принцип презумпции невиновности, но и противоречит практике, которая демонстрирует, что субъекты доказывания со стороны обвинения далеко не всегда действуют с той степенью объективности и беспристрастности, которая предполагается их официальной процессуальной ролью. Безусловно, на следователя возлагается обязанность по объективному и всестороннему исследованию обстоятельств дела. Однако на практике его деятельность неизбежно подвержена так называемому «обвинительному уклону». Внутреннее противоречие между ролью субъекта уголовного преследования, обязанного изобличить виновного, и ролью беспристрастного исследователя зачастую разрешается в пользу первой. Стремление к установлению объективной истины нередко подменяется более узкой задачей – обоснованием позиции обвинения законными, но подобранными односторонне средствами. В такой ситуации попытки защиты представить альтернативную версию событий или опровергающие доказательства могут восприниматься не как вклад в установление истины, а как досадная помеха в работе.

Именно здесь активное, конструктивное участие защитника в доказывании приобретает критически важное значение. Оно выступает действенным противовесом возможному обвинительному уклону и служит дополнительной гарантией от злоупотреблений или ошибок со стороны государственных органов, наделенных властными полномочиями. Активность защиты заставляет сторону обвинения тщательнее проверять свои доводы, учитывать альтернативные трактовки фактов и строже соблюдать процедурные нормы. Таким образом, состязательное начало, воплощенное в доказательственной деятельности защитника, не препятствует установлению истины, а, напротив, создает для этого наиболее надежные и сбалансированные

процессуальные условия, обеспечивая в конечном итоге вынесение более обоснованного и справедливого судебного решения.

Современное уголовно-процессуальное регулирование действительно предоставляет адвокату-защитнику определенный инструментарий для участия в формировании доказательственной базы. Ключевые полномочия в этой сфере закреплены в части 3 статьи 86 УПК РФ, согласно которой защитник вправе: 1) получать предметы, документы и иные сведения; 2) опрашивать частных лиц с их согласия; 3) истребовать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти и местного самоуправления. Аналогичные положения содержатся в части 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹. Данный правовой арсенал позволяет защитнику как полноправному участнику процесса на любой его стадии осуществлять активную деятельность, направленную на выявление и фиксацию информации. Эта деятельность основана не на пассивном принятии версии следствия, а на самостоятельном, критическом анализе собранных материалов и формировании собственного видения обстоятельств дела, подкрепленного полученными сведениями.

Однако правовая природа этой деятельности является предметом научной дискуссии. Ряд исследователей не считают её сугубо процессуальной в полном смысле слова, характеризуя скорее как предпроцессуальную или досудебную работу. Основанием для такой квалификации служит тот факт, что предметы, документы и сведения, собранные защитником в порядке части 3 статьи 86 УПК РФ, сами по себе ещё не являются доказательствами. Они приобретают этот статус только после того, как будут надлежащим образом представлены следователю или в суд, а соответствующий властный субъект примет процессуальное решение об их приобщении к материалам уголовного дела. Как отмечал А.М. Ларин, под предпроцессуальной деятельностью следует понимать действия участников процесса, не облеченные в строгую процессуальную

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

форму, но направленные на получение информации об обстоятельствах дела для её последующего использования в рамках уже официальных процессуальных действий и при принятии решений¹. К такой работе защитника он относил, в частности, мероприятия по выявлению потенциальных свидетелей, поиск и сбор документов и предметов, которые в дальнейшем могут быть заявлены в качестве доказательств.

Данная позиция представляется наиболее точно отражающей характер и пределы полномочий защитника в сфере доказывания. Действительно, уголовно-процессуальный закон, предоставляя защитнику право собирать информацию, не устанавливает детального процедурного регламента для осуществления этих действий (в отличие, например, от порядка производства допроса или обыска следователем). Это закономерно вытекает из принципиального различия в статусе: защитник, в отличие от следователя, прокурора или суда, не наделен государственно-властными полномочиями и не может осуществлять принуждение. Его роль заключается в активной защите интересов подзащитного путем поиска и представления оправдывающих или смягчающих ответственность обстоятельств.

Следовательно, функционал адвоката-защитника в процессе доказывания имеет четкие границы. Он обладает возможностью активно собирать пакет сведений, потенциально имеющих доказательственное значение. Однако ключевые элементы доказывания – официальная проверка собранных данных на предмет допустимости и достоверности, а также их окончательная оценка – остаются в исключительной компетенции субъектов, облеченных властными полномочиями. Именно их процессуальные решения определяют, станет ли информация, добытая защитником, частью официальной доказательственной базы и окажет ли она влияние на движение дела от стадии к стадии и на его окончательный исход. Таким образом, участие защитника в доказывании является необходимым элементом состязательности, но осуществляется в

¹ Ларин А.М. Указ. соч. С. 90.

специфической, невластной форме, предваряющей и иницирующей официальные процедуры.

Информация, полученная и подготовленная адвокатом-защитником, обретает статус полноценного уголовно-процессуального доказательства лишь при условии её официального признания со стороны субъектов, наделенных соответствующими властными полномочиями. Это означает, что следователь, дознаватель или суд должны провести проверку представленных сведений на предмет их относимости к делу и допустимости способа получения, после чего вынести мотивированное решение о приобщении их к материалам уголовного дела либо об отказе в этом.

На практике реализация данного права защитника сталкивается с серьезными проблемами. В научной литературе и среди практикующих юристов распространена точка зрения о том, что стороны обвинения зачастую занимают излишне формальную или предвзятую позицию, отклоняя ходатайства о приобщении доказательств, исходящих от защиты. При этом следователи нередко ограничиваются шаблонными, лишенными конкретной мотивировки формулировками, указывающими на не относимость представленных материалов к расследуемому событию. Подобная практика, по сути, сводит на нет активную доказательственную деятельность защитника на досудебных стадиях, делая её неэффективной, поскольку собранные им сведения так и не получают хода в рамках официального процесса.

В подтверждение выявленных теоретических проблем в правоприменительной практике, в период прохождения преддипломной практики в ОП № 4 УМВД России «Оренбургское» по г. Оренбург мною было проведено интервьюирование 12 сотрудников территориального органа: 8 следователей и 4 дознавателя, со стажем работы от 2 до 12 лет. Целью исследования являлось выявление реального отношения правоприменителей к доказательственной деятельности адвоката-защитника.

Результаты интервью показали системный характер проблемы, обозначенной в научной литературе как «обвинительный уклон». На

вопрос: «Всегда ли вы удовлетворяете ходатайства защитника о приобщении к делу документов, предметов или сведений, собранных адвокатом самостоятельно (ст. 86 УПК РФ)?» только 3 респондента (25%) дали положительный ответ. 8 человек (67%) признались, что отказывают в приобщении «часто» или «почти всегда». При этом 1 респондент (8%) затруднился с ответом. Основная причина отказа (отмечалась как главная 7 из 12 опрошенных, что составляет 58%) – формулировка «неотносимость представленных сведений к уголовному делу». Причем 5 из этих 7 сотрудников (71%) признали в ходе устной беседы, что используют данную формулировку «по умолчанию», даже если интуитивно чувствуют возможную пользу документа для дела. Второй по популярности причиной (4 человека, 33%) стал «непроцессуальный источник получения информации» (например, опрос адвокатом свидетеля, не заверенный нотариально).

На вопрос о субъективном доверии к доказательствам («Материалам, собранным кем, вы доверяете больше?») 5 опрошенных (42%) выбрали вариант «только материалам, собранным лично мной (следователем)». Еще 4 человека (33%) – «материалам следователя и оперативных сотрудников», и лишь 1 респондент (8%) указал, что доверяет материалам, собранным адвокатом, «в той же мере, что и своим». Остальные (17%) не дали однозначного ответа. Приведенные данные подтверждают тезис о существовании устойчивого «обвинительного уклона» на стадии предварительного расследования, когда доказательственная активность защиты воспринимается не как равноправный элемент состязательного процесса, а как помеха, подлежащая преодолению путем формального отказа. Особенно показательны, что 58% опрошенных признались в использовании «неотносимости» как «резиновой» нормы, позволяющей отклонять ходатайства без глубокой мотивировки, что прямо коррелирует с критикой, высказанной в доктрине

Интересная динамика прослеживается при корреляции ответов со стажем работы. Среди 5 следователей со стажем до 3 лет положительный ответ о

доверии к материалам защиты не дал никто (0%), а формулировку «неотносимость» как основной инструмент отказа использовали 4 из них (80%). В то же время среди 3 следователей со стажем более 8 лет двое (67%) указали, что «иногда удовлетворяют ходатайства защиты», и ни один не выразил абсолютного недоверия адвокатским материалам. Это позволяет предположить, что «обвинительный уклон» сильнее выражен у менее опытных сотрудников, что может быть связано со сверхнормативным давлением показателей раскрываемости и отсутствием сформированного профессионального иммунитета к ведомственным стереотипам.

В связи с указанными трудностями в правоприменительной деятельности сформировалась определенная стратегия поведения защиты. Адвокаты, предвидя высокую вероятность отказа на стадии предварительного расследования, всё чаще откладывают заявление ключевых ходатайств о приобщении доказательств до стадии судебного разбирательства. Данный подход основан на расчете, что суд как независимый и беспристрастный арбитр, руководствующийся принципом состязательности, подойдет к оценке ходатайства защиты с большей объективностью и обеспечит более внимательное и аргументированное рассмотрение вопроса о включении представленных сведений в доказательственную базу дела. Вместе с тем, нельзя недооценивать важность именно ранней, досудебной активности защитника. Его участие в доказывании с момента возбуждения уголовного дела выступает одной из существенных гарантий объективности предварительного расследования и соблюдения законности. Активные действия защитника по сбору и представлению оправдывающих или смягчающих вину обстоятельств создают необходимый противовес, выступая в роли механизма, сдерживающего возможный обвинительный уклон или произвол со стороны следствия. Такая деятельность способствует реализации принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств преступления.

Параллельно в научной дискуссии поднимается и обратная сторона проблемы - вопрос о потенциальном злоупотреблении защитником своими

процессуальными правами. Отдельные авторы указывают на существование практики, когда недобросовестные адвокаты используют психологические приемы для вывода следователя из эмоционального равновесия, провоцируя его на совершение процессуальных ошибок, которые впоследствии могут быть использованы в пользу защиты. Другим негативным сценарием является сознательная попытка навязать следствию ложную или не относящуюся к делу логику, искусственно уводя расследование в сторону от установления действительных обстоятельств и приводя к неоправданной трате процессуального времени. Представляется, однако, что подобные случаи следует рассматривать как маргинальные крайности, не отражающие сути нормальных процессуальных отношений. Они противоречат фундаментальным основам уголовного судопроизводства, построенного на принципах состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности и профессиональной этики адвоката. Основной задачей правового регулирования и правоприменения является не борьба с этими крайностями путем ограничения прав защиты, а создание таких процессуальных условий, при которых конструктивная и добросовестная доказательственная деятельность адвоката была бы не только формально возможна, но и реально эффективна на всех стадиях процесса.

В своей деятельности следователю следует исходить из презумпции добросовестности адвоката-защитника. Защитник выполняет важнейшую конституционную функцию, обеспечивая реализацию гарантий прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. При этом его роль не сводится исключительно к защите интересов подзащитного; конструктивное взаимодействие с защитником может оказать существенную помощь и самому следствию в достижении общего назначения уголовного судопроизводства — установлении истины по делу.

Активное участие защитника в процессе доказывания служит действенным средством для предотвращения формирования так называемого «обвинительного уклона» в работе следователя. Этот уклон, как справедливо

отмечается в процессуальной науке, часто приводит к необратимым последствиям, нанося ущерб всесторонности, полноте и объективности предварительного расследования. Напротив, внимательное рассмотрение и удовлетворение обоснованных ходатайств защиты о приобщении тех или иных доказательств могут помочь в решении конкретных задач следствия, предоставив альтернативные версии или выявив дополнительные обстоятельства, которые иначе могли бы остаться без внимания.

Таким образом, расширение реальных возможностей и создание благоприятных условий для участия защитника в доказательственной деятельности способно не только укрепить гарантии прав обвиняемого, но и в целом повысить качество доказывания, придав его результатам большую объективность и обоснованность. В этой связи представляется, что существующее уголовно-процессуальное регулирование нуждается в совершенствовании, направленном на усиление гарантий именно активного, а не формального участия адвоката-защитника в формировании доказательственной базы на досудебных стадиях.

Различные исследователи предлагают свои пути решения этой проблемы. Одним из радикальных предложений является идея об обязательном приобщении к материалам уголовного дела практически любых сведений, представленных адвокатом, с перенесением вопроса об их доказательственной ценности исключительно на стадию судебного разбирательства. Сторонники такого подхода аргументируют его тем, что ходатайства защитника, как правило, являются результатом его сложной и профессиональной работы, а не гипотетическими измышлениями, призванными лишь сбить следствие с толку¹. Однако данный путь нельзя считать оптимальным, поскольку он порождает другую крайность. Фактически он предполагает игнорирование принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению следователя — одного из основополагающих начал уголовного процесса. Лишение следователя права на предварительную, мотивированную оценку относимости и допустимости

¹ Березовская А.А. Указ. соч. С. 805.

представляемых материалов сводит его роль к чисто технической фигуре, лишенной дискреционных полномочий. Более того, понятие «очевидной» обоснованности ходатайства, на которое ссылаются авторы, само по себе является крайне субъективным и может стать источником новых конфликтов и злоупотреблений. Следовательно, решение проблемы должно находиться в поиске баланса. Необходимы такие изменения в законе и правоприменительной практике, которые, с одной стороны, обязывали бы следователя к детальной, мотивированной реакции на каждое ходатайство защиты, а с другой предоставляли бы защите эффективные и быстрые механизмы обжалования необоснованных решений следователя ещё в ходе досудебного производства, например, через судебный контроль. Это позволило бы обеспечить реальное влияние защитника на формирование доказательств без ущерба для принципа внутреннего убеждения и процессуальной самостоятельности лица, ведущего расследование. В поисках более сбалансированного решения, которое укрепляло бы позиции защиты, не умаляя при этом статуса следствия, представляется оптимальным иное концептуальное предложение - введение в досудебное производство нового процессуального документа, условно именуемого «заключение защиты». Сущность данного института заключалась бы в следующем. Адвокат-защитник, завершив свою самостоятельную работу по сбору и анализу информации, имеющей значение для дела, получал бы право оформить её в виде целостного, структурированного документа. В этом заключении защита могла бы изложить свою версию событий, систематизировать все собранные ею сведения, дать им правовую оценку и сформулировать четкую, аргументированную позицию по существу предъявленного обвинения и по ходу расследования в целом.

Этот документ обладал бы двойным процессуальным значением. Во-первых, он служил бы для стороны обвинения официальным, комплексным изложением позиции защиты, что дисциплинировало бы следствие и обязывало его дать мотивированный ответ по каждому приведенному доводу. Во-вторых, и это особенно важно, «защитительное заключение» могло бы напрямую

направляться в суд, в том числе ещё на стадии предварительного расследования, например, при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения или продлении её срока. Таким образом, суд получал бы возможность ознакомиться с позицией защиты не фрагментарно, через отдельные ходатайства, а в полном, систематизированном виде, что значительно повысило бы эффективность и объективность судебного контроля на досудебных стадиях.

Внедрение подобного института создало бы дополнительные весомые гарантии для лица, подвергшегося уголовному преследованию, способствовало бы более качественной систематизации доказательственной деятельности защиты и, в конечном счете, могло бы стать мощным катализатором для повышения общего уровня состязательности и объективности всего процесса доказывания по уголовному делу.

§ 2. Доказательственное значение результатов оперативно-розыскной деятельности: проблемы правовой легитимации

Проблемы, связанные с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании, традиционно относятся к числу наиболее острых и дискуссионных в теории и практике. Эта актуальность предопределяется той исключительной ролью, которую данные результаты играют в правовом механизме противодействия современной преступности, особенно её наиболее опасным, организованным и латентным формам. Вместе с тем, сходство результатов ОРД и доказательств как информационных правовых феноменов порождает значительные теоретические и практические сложности, связанные с определением их юридической природы и условий легализации.

Согласно пункту 36.1 статьи 5 УПК РФ, под результатами ОРД понимаются сведения, полученные в строгом соответствии с Федеральным

законом «Об оперативно-розыскной деятельности»¹. Эти сведения касаются признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, а также данных о лицах, причастных к его подготовке, совершению или скрывающихся от правосудия. В то же время, доказательство в уголовном процессе по ч. 1 ст. 74 УПК РФ имеет более широкое определение – это любые сведения, на основе которых уполномоченные субъекты в установленном порядке устанавливают обстоятельства, подлежащие доказыванию, и иные значимые для дела факты.

Несмотря на внешнее сходство оба понятия относятся к информации, имеющей значение для раскрытия преступления, в правовой доктрине и законодательстве обозначено их ключевое, принципиальное различие, исключающее возможность прямого отождествления. Как справедливо отмечается в научной литературе, в современной теории отсутствует консенсус относительно доказательственного значения результатов ОРД и четких критериев их отграничения от «классических» уголовно-процессуальных доказательств². Законодатель, осознавая существование этой проблемы, попытался дать ей решение, включив в главу 11 УПК РФ статью 89 «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности». Однако её содержание, сводящееся к запрету использования результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ, отличается чрезмерной лаконичностью и декларативностью. Такая формулировка не содержит ни процедуры преобразования оперативных данных в доказательства, ни конкретных критериев их проверки на соответствие процессуальным стандартам. В результате она не только не разрешает накопившиеся вопросы, но и порождает множество различных, зачастую противоречивых, подходов к толкованию и

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Кучерук Д.С. Проблемы использования результатов ОРД при доказывании по уголовным делам о взяточничестве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2(13). С. 307.

применению данного положения на практике, оставляя широкий простор для судебного и следственного усмотрения.

В научной среде вопрос о юридической природе результатов ОРД и возможности их использования в доказывании остается дискуссионным. Часть исследователей настаивает на том, что современное законодательство требует кардинального совершенствования самой процедуры приобщения оперативной информации к материалам уголовного дела, подразумевая необходимость создания специального процессуального механизма её трансформации в доказательства¹. Другие специалисты занимают более категоричную позицию, полагая, что результаты ОРД не могут и не должны рассматриваться в качестве доказательств даже после их проверки уголовно-процессуальными методами. Представители второй точки зрения, в частности, указывают на фундаментальные различия между этими правовыми категориями. Они аргументируют свою позицию тем, что проверке в уголовном процессе подлежат именно доказательства, а не оперативные данные². Среди ключевых отличий называются разница в источниках, в содержании, а также в методах получения.

Однако столь жесткое разграничение представляется не вполне соответствующим как общему смыслу действующего законодательства, так и практическим потребностям борьбы с преступностью. Прямого запрета на использование результатов ОРД в доказывании уголовно-процессуальный закон не содержит. Напротив, статья 89 УПК РФ «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» прямо предусматривает такую возможность, ставя её в зависимость от одного условия: соответствия этих результатов требованиям, предъявляемым кодексом

¹ Седолобова О.М. Использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам // Проблемы и перспективы современного права: Сборник статей Международной научно-практической конференции (Уфа, 20 марта 2015 года) / Ответственный редактор А.А. Сукиасян. Уфа, 2015. С. 113.

² Зыкова Т.В. Некоторые проблемы использования результатов ОРД в доказывании // Наука и образование в жизни современного общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 18 частях (Тамбов, 29 ноября 2013 года). Тамбов, 2013. С. 46.

к доказательствам. Проблема заключается в том, что данная норма носит крайне абстрактный характер. В УПК РФ отсутствует детально прописанный порядок проверки, оценки и легализации оперативных данных, что, по справедливому замечанию многих процессуалистов, порождает противоречивую правоприменительную практику и оставляет широкий простор для неоднозначного толкования¹.

На практике можно наблюдать две противоположные тенденции. С одной стороны, отдельные виды результатов ОРД, например, материалы контрольных закупок или опросов, проведенных до возбуждения уголовного дела, находят своё позитивное отражение в судебной практике и успешно используются в доказывании после их надлежащего процессуального оформления. С другой стороны, нередки ситуации, когда в доказательственную базу вопреки закону вовлекаются результаты ОРД, которые не соответствуют стандартам допустимости, что ведет к грубому нарушению прав личности.

Яркой иллюстрацией второго сценария служит пример из судебной практики, отраженный в кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2018 г.². Верховный суд Республики Бурятия в приговоре сослался на результаты бесед, проведенных оперативным сотрудником с двумя лицами с использованием скрытой видеозаписи. На тот момент эти лица уже обладали процессуальным статусом подозреваемых и были допрошены следователем с соблюдением всех гарантий их прав. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации указала на недопустимость использования таких материалов, поскольку скрытый опрос лица, уже признанного подозреваемым, является грубым нарушением его права на защиту, включая право не свидетельствовать против себя, право на адвоката и право знать о производстве в отношении себя следственных действий. Коллегия постановила исключить данные записи из числа доказательств как

¹ Крапива И.И. К проблеме использования результатов ОРД в процессе доказывания // Военно-юридический журнал. 2007. № 12. С. 15.

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 7 февраля 2018 г. № 73-О18-1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

полученные с нарушением закона, подчеркнув, что подобные оперативные мероприятия не могут подменять собой предусмотренные УПК РФ процедуры получения показаний от подозреваемого или обвиняемого.

Одной из наиболее дискуссионных проблем в теории уголовного процесса является разграничение допустимого оперативно-розыскного мероприятия и недопустимой провокации преступления. Эта проблема имеет не только правовое, но и глубокое нравственно-этическое измерение, поскольку затрагивает вопросы справедливости, добросовестности участников уголовного судопроизводства и границ допустимого воздействия на лицо, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия.

В качестве наглядной иллюстрации указанной проблемы можно привести уголовное дело № 125/19/2025, рассмотренное Промышленным районным судом Оренбургской области (расследуемое в 4 отдела (по расследованию преступлений на территории Промышленного района г. Оренбурга) СУ МУМВД России «Оренбургское»)¹. Из материалов дела следует, что инициатива повторного контакта исходила от закупщика Свидетель №1, который 07.09.2025 в вечернее время позвонил подсудимому ФИОЗ и попросил привезти наркотическое средство на сумму 7000 рублей. ФИОЗ согласился, после чего 08.09.2025 реализовал сбыт в рамках проводимого оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка».

Сторона защиты (даже если она прямо не заявляла об этом) могла бы усмотреть в действиях сотрудников полиции элементы провокации, поскольку звонок закупщика послужил непосредственным поводом для совершения преступления. Однако суд, исследовав обстоятельства дела, пришел к обоснованному выводу о законности проведенного ОРМ. В приговоре специально подчеркивается: «Какого-либо психологического давления, принуждения к Свидетель №1 не оказывалось, участвовать в изобличении преступной деятельности ФИОЗ он согласился добровольно».

¹ Приговор Промышленного районного суда Оренбургской области от 23 сентября 2025 г. по делу № 125/19/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

С правовой точки зрения ключевым критерием отграничения законной проверочной закупки от провокации является наличие сформировавшегося до начала ОРМ умысла на сбыт наркотических средств. В данном деле такой умысел был установлен: еще в декабре 2024 года, как показал ФИОЗ, он сам предложил Свидетель №1 «достать» наркотическое средство. Следовательно, звонок 07.09.2025 лишь фиксировал ранее возникший преступный замысел, а не порождал его.

С нравственно-этической точки зрения данный кейс поднимает вопрос о добросовестности закупщика и пределах допустимого «оперативного эксперимента». Законодатель предъявляет повышенные этические требования к такому участнику ОРМ: он не может быть лицом, страдающим наркозависимостью (если только это не требуется для легендирования), и должен действовать исключительно в рамках, утвержденных постановлением. В рассматриваемом деле Свидетель №1 написал заявление о добровольном содействии и был предупрежден об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ (заведомо ложный донос), что исключало его личную заинтересованность в искусственном создании преступного события.

Таким образом, этический аспект доказывания при проведении проверочной закупки сводится к следующему: результаты ОРМ признаются допустимыми, если активность закупщика не являлась решающим фактором, сформировавшим у подсудимого умысел на совершение преступления. В противном случае (например, при неоднократных настойчивых предложениях приобрести наркотик лицу, ранее не склонному к сбыту) результаты такого ОРМ должны расцениваться как провокация и исключаться из числа доказательств. Данная правовая позиция получила закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

Таким образом, действующее регулирование, допуская в принципе использование результатов ОРД, создает значительные риски их неправомерного применения. Назрела необходимость не в ужесточении или ослаблении подхода, а в детальной законодательной регламентации четкой и гарантированной процедуры преобразования оперативной информации в полноценные процессуальные доказательства с безусловным соблюдением всех прав участников судопроизводства.

В рассмотренной ситуации имело место грубое нарушение права граждан на защиту, что с необходимостью влечет негативные правовые последствия, включая признание полученных сведений недопустимым доказательством. Порядок представления и формального оформления результатов оперативно-розыскной деятельности для целей уголовного судопроизводства регламентирован статьей 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также соответствующими ведомственными инструкциями. Казалось бы, если результат оперативно-розыскного мероприятия получен в рамках этого порядка, он формально может претендовать на статус допустимого доказательства. Однако этот формальный критерий вступает в прямое противоречие с императивным требованием статьи 89 УПК РФ, которая устанавливает более глубокое и содержательное условие: использование результатов ОРД в доказывании возможно только если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам самим Уголовно-процессуальным кодексом. Как совершенно справедливо указал Конституционный Суд Российской Федерации, нормы Закона об ОРД не регулируют уголовно-процессуальные правоотношения, включая процедуры получения, проверки и оценки доказательств¹. Следовательно, одно лишь соблюдение оперативно-розыскных нормативов не гарантирует автоматического соответствия более строгим процессуальным стандартам

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 2000. № 10. Ст. 1164.

допустимости. Особенно ярко это противоречие проявляется, когда негласное оперативно-розыскное мероприятие, такое как опрос, проводится в отношении лица, чей правовой статус объективно требует обеспечения особых конституционных гарантий. Проведение подобных действий в отношении подозреваемого или обвиняемого без учета его реального правового положения, включая вытекающие из статей 48, 49 и 51 Конституции Российской Федерации права на защиту и на отказ от самооговора, является прямым нарушением этих конституционных норм и умаляет достоинство личности.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации¹ по данному вопросу является последовательной и принципиальной. Суд неоднократно указывал, что с момента, когда в отношении гражданина, чьи свобода и личная неприкосновенность реально ограничены, например, при задержании, приводе, содержании в изоляции, должностным лицом проводятся действия, направленные на получение уличающих его сведений, в полной мере начинают действовать конституционные гарантии. К ним относится право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката и право не свидетельствовать против себя самого. Эти гарантии предоставляются независимо от формального процессуального статуса лица и обязательны для соблюдения в любой государственной деятельности, включая оперативно-розыскную, если она по своей сути направлена на изобличение в преступлении.

Таким образом, системное толкование норм Конституции Российской Федерации, УПК РФ и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации позволяет сделать однозначный вывод: уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность действительно находятся в тесной взаимосвязи, обусловленной общностью задач по противодействию преступности, однако их правовые режимы принципиально различны. При

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 327-О «По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий, по своей природе исключающих открытость и непосредственное участие защитника, объективно невозможно обеспечить полную реализацию конституционных прав лица, в отношении которого эти мероприятия направлены. Это создает непреодолимое правовое препятствие для использования полученных таким путем результатов в качестве допустимого судебного доказательства, поскольку сам способ их получения противоречит фундаментальным принципам справедливого судебного разбирательства. В подобных случаях информационная ценность результатов ОРД не теряется полностью, но сфера их правомерного использования существенно сужается. Они могут служить ориентирующей информацией для выдвижения следственных версий, планирования тактики расследования, розыска лиц и орудий преступления. Однако перейти грань, отделяющую оперативную информацию от судебного доказательства, они могут только будучи преобразованными через производство следственных действий, проведенных с соблюдением всех процессуальных гарантий прав личности.

Учитывая значительное внимание, которое уделяется в уголовно-процессуальной науке вопросам использования результатов ОРД, а также наличие существенных пробелов и противоречий в действующем законодательстве, можно согласиться с выводом о необходимости совершенствования правового регулирования в этой сфере. Такое совершенствование должно преследовать две взаимосвязанные цели. С одной стороны, необходимо создать надежные правовые барьеры, исключающие возможность использования в качестве доказательств информации, полученной с нарушением закона или в обход установленных процессуальных гарантий. С другой стороны, важно разработать четкий и легитимный механизм, который позволил бы в необходимых случаях интегрировать доброкачественные результаты ОРД в доказательственную базу, строго руководствуясь при этом идеями защиты прав личности и достижения целей уголовного судопроизводства.

В качестве одного из вариантов решения сложившейся проблемы представляется целесообразным внесение изменений в действующую редакцию УПК РФ. Конкретная законодательная инициатива может включать два ключевых элемента: 1) дополнение перечня доказательств. Часть 2 статьи 74 УПК РФ, содержащая исчерпывающий перечень видов доказательств, может быть дополнена новым пунктом п. 7, который прямо включил бы в этот перечень «результаты оперативно-розыскной деятельности, оформленные в порядке, установленном настоящим Кодексом». Это придало бы данному виду сведений четкий легальный статус; 2) детализация процедуры использования данных результатов. Статью 89 УПК РФ можно изложить в следующей редакции:

«Пункт 1: «Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в доказывании по уголовному делу только на основании мотивированного постановления следователя, дознавателя или определения (постановления) суда (судьи)».

Пункт 2: «Результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для использования в качестве доказательств, должны отвечать требованиям относимости, допустимости и достоверности, предусмотренным настоящим Кодексом. Обязательным условием допустимости является возможность проверить законность проведения соответствующего оперативно-розыскного мероприятия и способа фиксации его результатов».

Пункт 3: «Запрещается использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, если по форме и (или) содержанию они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом, либо если их получение сопряжено с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина».

Такая детализированная редакция статьи 89 УПК РФ могла бы создать долгожданный четкий ориентир для правоприменителей, сохранив баланс между оперативной необходимостью и безусловным приоритетом процессуальных гарантий личности.

ГЛАВА 3. ПРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. Этические принципы как основа формирования доказательств и внутреннего убеждения субъектов процесса

Доказывание в российском уголовном судопроизводстве, безусловно, в первую очередь исследуется через призму нормативного регулирования. УПК РФ, закрепляя принципы, права, обязанности и процедуры, задает формально-юридические рамки этой деятельности, делая нормативный аспект её первичной и основной характеристикой. Однако, помимо сугубо процессуальной составляющей, доказывание обладает и глубоким нравственным измерением, анализ которого не менее важен для понимания его сущности и целей. Нравственность в данном контексте понимается как совокупность внутренних правил и принципов, определяющих поведение человека в обществе, а также духовные и душевные качества, необходимые для социального взаимодействия¹. С этим понятием неразрывно связана категория морали, которая представляет собой систему исторически сложившихся принципов и норм, регулирующих отношения между людьми на основе представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости, достойном и недостойном. Наряду с ними используется и понятие этики, изначально введенное Аристотелем как учение о добродетели.

Подобно праву, мораль выступает в качестве одного из фундаментальных регуляторов общественных отношений, пронизывая все сферы жизни. При этом право и мораль находятся в состоянии постоянного и тесного взаимодействия. Моральные устои, представления о справедливости и должном служат важнейшей духовной и ценностной основой для формирования правовых предписаний. В свою очередь, право формализует и обеспечивает

¹ Громов Н.А. и др. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие. М., 2005. С. 101.

государственной защитой ключевые моральные требования, актуальные для всего общества. Мораль и право это взаимосвязанные и взаимопроникающие системы социальной регуляции, возникающие из потребности обеспечить стабильное функционирование социума через согласование интересов и подчинение людей определенным правилам. В этой диалектике мораль является первичным, базовым явлением, тогда как право – производным, вторичным¹. Следовательно, любое правовое регулирование, включая уголовно-процессуальное, в своей основе должно иметь нравственные начала и не может быть безнравственным. Для того чтобы правовые нормы могли претендовать на общеобязательность и оправданно подкрепляться силой государственного принуждения, они должны соответствовать господствующим в обществе нравственным представлениям о должном и справедливом.

Особую актуальность это требование приобретает в сфере уголовного судопроизводства, которое изначально характеризуется выраженной репрессивной направленностью и сопряжено с наиболее серьезным вторжением государства в сферу прав и свобод личности, включая правомерные ограничения этих свобод. Именно поэтому уголовно-процессуальная деятельность, где государственное принуждение реализуется с максимальной интенсивностью, в первую очередь обязана соответствовать высоким нравственным стандартам. Существует прямая зависимость: чем значительнее властное воздействие государства на личность и чем шире арсенал принудительных мер в распоряжении должностных лиц, тем выше должна быть роль нравственной составляющей, лежащей в основе регулирующих эту деятельность правовых норм.

Как справедливо указывается в литературе, степень значимости морально-этических основ правовых предписаний прямо пропорциональна силе влияния этих предписаний на ключевые социальные ценности, прежде всего на

¹ Бабенкова В.Р., Крюкова М.И., Труфанова А.Ю. Основные проблемы определения цели доказывания в уголовном процессе // Интеллектуальный потенциал России 2023: сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 06 февраля 2023 года). Стерлитамак, 2023. С. 106.

права и свободы человека¹. В контексте уголовного процесса, где на кону стоят честь, свобода, а иногда и жизнь человека, нравственное измерение доказывания перестает быть абстрактной категорией и становится практическим императивом, гарантирующим, что могущество государства будет использовано исключительно в русле справедливости и гуманизма.

В условиях уголовного судопроизводства неизбежно возникает коллизия интересов. С одной стороны, выступает личность, чьи права и свободы вовлечены в процесс, с другой – государство, принимающее на себя обязательство по защите общественного порядка и наиболее значимых социальных ценностей от преступных посягательств. В этом сложном взаимодействии на передний план выдвигается комплекс нравственных требований, призванных обеспечить справедливость и гуманность всего процесса.

Основным инструментом формирования доказательственной базы, как неоднократно отмечалось, является производство следственных действий. Однако сама природа многих из этих действий, таких как обыск, выемка, освидетельствование, контроль и запись переговоров, предполагает активное вторжение государства в охраняемую Конституцией Российской Федерации сферу частной жизни, личной неприкосновенности и иных фундаментальных прав гражданина. Именно поэтому нравственные основы не могут оставаться лишь областью неписаных этических правил; они требуют обязательного нормативного закрепления. Без этого они лишились бы силы общеобязательного предписания и обеспечивались бы исключительно на добровольной основе, завися от личного усмотрения, самодисциплины и субъективных представлений о морали каждого конкретного должностного лица. Эти нравственные императивы находят свое первичное и наиболее концентрированное выражение в нормах-принципах уголовного судопроизводства, которые задают его общую направленность и содержательный вектор. Поскольку, согласно части 1 статьи 1 УПК РФ,

¹ Цымбалюк Е.А., Подопригора А.А. Указ. соч. С. 423.

порядок судопроизводства устанавливается Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации, именно эти основополагающие акты и являются первоисточником нравственных начал доказывания. Как верно отмечается в литературе, система процессуальных принципов отражает не только правовые, но и глубинные нравственные и этические представления общества о справедливости¹. При этом нравственные основы не исчерпываются общей декларацией в главе принципов. Они конкретизируются и детализируются в широком спектре отдельных уголовно-процессуальных норм, регламентирующих различные аспекты доказательственной деятельности, и прежде всего процедуру собирания доказательств. Таким образом, законодатель осуществляет нормативное закрепление нравственных требований на двух взаимосвязанных уровнях:

1. Уровень базовых принципов - глава 2 УПК РФ. Здесь закреплены наиболее общие, фундаментальные нравственные постулаты, образующие этический каркас всего судопроизводства. К ним, в частности, относятся:

1) Принцип законности - ст. 7 УПК РФ, требующий неукоснительного следования закону как высшему выражению справедливости.

2) Принцип уважения чести и достоинства личности - ст. 9 УПК РФ, запрещающий унижающее обращение даже с лицом, подозреваемым в преступлении.

3) Принцип неприкосновенности личности - ст. 10 УПК РФ, ограничивающий возможности задержания и заключения под стражу.

4) Принцип неприкосновенности жилища - ст. 12 УПК РФ и неприкосновенности частной жизни - ст. 13 УПК РФ, ограждающие интимную сферу человека от произвольного вмешательства.

2. Уровень конкретных процедурных норм - части 1 и 2 УПК РФ. На этом уровне абстрактные нравственные принципы получают практическое воплощение в виде четких правил. Например, нравственное требование уважения достоинства конкретизируется в запрете задавать наводящие

¹ Булатов Б.Б., Баранов А.М., Артамонов А.Н. и др. Указ. соч. С. 73.

вопросы, в обязанности прерывать допрос на отдых, в правилах проведения личного обыска лица только одного с ним пола. Принцип неприкосновенности жилища детализируется в строгом порядке вынесения судебного решения на обыск, в обязанности присутствия понятых и т.д.

Первый уровень устанавливает этические ориентиры, второй создает правовые механизмы, гарантирующие их реализацию в практической деятельности по доказыванию. Только такое двухуровневое закрепление позволяет нравственным основам стать действенным регулятором, обеспечивающим, чтобы могущество государства в уголовном процессе использовалось не только эффективно, но и достойно, в строгих рамках справедливости и уважения к человеку. Вторая категория норм, упомянутая выше, отличается более конкретным, прикладным характером. Её назначение состоит в детализации и нравственной конкретизации отдельных процедурных аспектов доказывания. Если нормы-принципы задают общий этический вектор, то эта группа предписаний работает непосредственно в процессуальной ткани, устанавливая морально обоснованные правила поведения для участников при производстве конкретных следственных и судебных действий. Они переводят абстрактные ценности уважения достоинства, неприкосновенности и справедливости в систему практических запретов, дозволений и условий, регламентирующих, например, порядок проведения допроса, освидетельствования, обыска или оценки доказательств.

Далее представляется необходимым перейти к анализу актуальных проблем, связанных с соблюдением ключевых этических требований, имплементированных в уголовно-процессуальное законодательство. Эти требования образуют нравственную основу доказывания, и их реализация или, напротив, нарушение в правоприменительной практике во многом определяют, соответствует ли процесс установления истины не только критериям законности, но и стандартам моральной оправданности и справедливости. Рассмотрению будет подвергнута практическая реализация этих норм,

выявлены типичные сложности и противоречия, возникающие на стыке процессуальной целесообразности и нравственных императивов.

Одной из наиболее показательных в этом отношении является проблема оценки явки с повинной, которая в правоприменительной практике нередко лишается своего подлинного нравственного содержания. Институт явки с повинной традиционно рассматривается в уголовном процессе как важнейший стимул для добровольного отказа от преступной деятельности, а также как обстоятельство, существенно смягчающее наказание (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ). С нравственно-этической точки зрения явка с повинной представляет собой акт раскаяния, свидетельствующий о том, что лицо осознало противоправность своего деяния и добровольно, без внешнего принуждения, сообщает о нем органам власти. Именно добровольность и своевременность (сообщение до того, как преступление стало известно правоохранительным органам) придают явке с повинной её высокое моральное и правовое значение.

Показательным примером, иллюстрирующим разграничение «истинной» явки с повинной и формального признания, является уголовное дело в отношении ФИО1, рассмотренное Промышленным районным судом Оренбургской области (расследуемое в 4 отдела (по расследованию преступлений на территории Промышленного района г. Оренбурга) СУ МУ МВД России «Оренбургское»)¹. В ходе предварительного расследования ФИО1 написал заявление, названное явкой с повинной, в котором сообщил о совершенной им краже денежных средств в сумме 8000 рублей. Однако суд, исследовав обстоятельства дела, отказался признать данное заявление в качестве смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. В приговоре суд прямо указал: «Явку с повинной в совершении кражи суд признать в качестве смягчающего вину подсудимого обстоятельства не может, так как ФИО1 дал ее уже после раскрытия преступления, то есть на момент написания данного признания сотрудникам полиции было известно о

¹ Приговор Промышленного районного суда Оренбургской области от 26 ноября 2025 г. по делу № 125/16/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hWdOpmSMdQUn/> (дата обращения: 25.12.2025).

совершенном им преступлении, что подтверждается сообщением в полицию и проведенной работниками полиции проверкой».

Данное решение суда имеет глубокое нравственно-этическое обоснование. Суд проводит различие между добросовестной явкой (когда лицо сообщает о неизвестном правоохранительным органам преступлении, рискуя собственной свободой) и формальным признанием, сделанным тогда, когда преступление уже раскрыто и уйти от ответственности невозможно. В последнем случае такой акт не может рассматриваться как проявление раскаяния в его подлинном, этическом смысле – это скорее тактика защиты, попытка получить смягчение наказания при отсутствии реального внутреннего раскаяния.

С правовой точки зрения позиция суда полностью соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, который неоднократно указывал, что не может расцениваться как явка с повинной заявление лица, сделанное после того, как правоохранительные органы уже располагали сведениями о совершенном преступлении и о причастности к нему конкретного лица. Вместе с тем, суд в данном приговоре не оставил без оценки и посткриминальное поведение подсудимого: ФИО1 были даны последовательные признательные показания, он активно способствовал расследованию, добровольно возместил ущерб. Эти обстоятельства были учтены судом в качестве иных смягчающих (ч. 2 ст. 61 УК РФ) и по п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ (возмещение ущерба).

Приведенный пример наглядно демонстрирует, что при оценке доказательств и обстоятельств, смягчающих наказание, суд не ограничивается формальной проверкой наличия письменного документа «явка с повинной». Суд обязан оценить этическую составляющую этого процессуального акта — была ли она добровольной, своевременной и искренней, или же она представляет собой лишь запоздалое признание, лишённое нравственной ценности раскаяния. Такая дифференциация имеет важное значение для формирования у граждан правильного представления о действительной ценности добросовестного посткриминального поведения.

Таким образом, этические принципы, будучи нормативно закрепленными как на уровне общих положений (глава 2 УПК РФ), так и на уровне конкретных процедурных правил, выступают не просто декларативным фоном, а реальным регулятором процесса доказывания. Их практическая реализация требует от суда не формального применения норм, а глубокого нравственного анализа каждого обстоятельства, имеющего значение для дела. Именно такой подход позволяет превратить внутреннее убеждение субъекта доказывания из субъективно-психологической категории в инструмент, обеспечивающий торжество справедливости и уважение к правам человека в уголовном судопроизводстве.

§2. Дилеммы соблюдения нравственных требований в практике доказывания

Нравственные основания уголовного процесса, будучи закрепленными в законе, не являются абстрактной декларацией, а призваны непосредственно регулировать практическую деятельность по установлению истины. Однако в реальной следственной и судебной работе их соблюдение часто сталкивается с комплексом сложных дилемм. Противоречие возникает между императивом эффективного раскрытия преступления, требующим порой решительных и оперативных действий, и безусловной обязанностью уважать достоинство, права и законные интересы личности, вовлеченной в орбиту уголовного преследования¹. Этот конфликт ценностей проявляется в конкретных процедурных решениях: в выборе времени и способа проведения следственных действий, в оценке допустимости полученных сведений, в интерпретации принципов состязательности и презумпции невиновности. Таким образом, практика доказывания становится полем постоянного напряжения, где проверяется не только юридическая обоснованность, но и моральная оправданность применяемых средств. В данном параграфе анализируются

¹ Францифоров Ю.В., Манова Н.С. Указ. соч. С. 44.

ключевые проблемные ситуации, в которых нравственные требования уголовно-процессуального закона подвергаются наиболее серьезным испытаниям, а также рассматриваются типичные коллизии и пути их разрешения в свете обеспечения справедливого правосудия.

В числе общих правовых предписаний, обеспечивающих нравственное содержание доказательственной деятельности на досудебных стадиях, важное место занимают нормы главы 22 УПК РФ «Предварительное следствие». Эти положения, как справедливо отмечается в научной литературе, регламентируют не только процедурные основы следственных действий, но и закрепляют базовые гарантии защиты прав личности, вовлеченной в уголовный процесс. Помимо сугубо правовых, они содержат в себе прямые этические императивы, призванные обеспечить, чтобы деятельность по собиранию доказательств осуществлялась в соответствии с нравственными стандартами, принятыми в современном демократическом обществе, уважающем достоинство человека.

Ярким примером такой нормы, синтезирующей процессуальное правило и нравственное требование, является статья 164 УПК РФ. В частности, в ней закреплены два ключевых положения: 1) запрет на производство следственных действий в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства; 2) недопустимость применения насилия, угроз, иных незаконных мер, а также создания опасности для жизни и здоровья участников следственных действий.

Рассмотрим нравственную сущность первого требования. Ночное время с 22 до 6 часов по местному времени законодательно признается периодом, предназначенным для отдыха, восстановления сил и частной жизни. Проведение в этот период властных, зачастую стрессовых следственных действий представляет собой серьезное вторжение в личную сферу и может причинять чрезмерные физические и психологические страдания. Поэтому общее правило о запрете таких действий носит глубоко гуманный, нравственно обоснованный характер. Законодатель, осознавая необходимость гибкости в борьбе с преступностью, допускает исключения, но лишь в строго оговоренных ситуациях, когда промедление может повлечь утрату доказательств, побег

обвиняемого или иную реальную угрозу интересам правосудия. Это создает баланс между эффективностью расследования и защитой частной жизни и достоинства личности.

Конституционность и правомерность данного положения неоднократно проверялась Конституционным Судом Российской Федерации, например, в определениях от 29.09.2015 № 1996-О¹, от 22.12.2015 № 2756-О², от 20.12.2018 № 3356-О³. Жалобы заявителей, усматривавших в этом правиле нарушение своих прав, Судом не были удовлетворены. В своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации указал, что оспариваемая норма сама по себе не нарушает конституционные права граждан. Напротив, она носит гарантийный характер, так как устанавливает общее правило уважения к частной жизни и отдыху, а возможность исключения применяется судами и следственными органами с обязательным учетом конкретных обстоятельств дела. Таким образом, данная норма выступает не ограничением, а дополнительной процессуальной гарантией, направленной на обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве и соблюдение нравственных границ властного вмешательства.

Оценка того, является ли конкретная ситуация случаем, не терпящим отлагательства, и, следовательно, оправдывает ли она производство следственного действия в ночное время, целиком возлагается на должностное лицо, в чьем производстве находится уголовное дело. Это решение

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 1996-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Рустама Идрисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

² Определение Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 2756-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахмеджанова Руслана Батыровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. № 3356-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сартакова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

принимается под его личную ответственность и должно быть основано исключительно на объективных интересах дела, а также на степени неотложности самого планируемого действия. Как справедливо отмечается в литературе, классическим и широко распространенным в следственной практике примером такого исключения является безотлагательный ночной осмотр места происшествия. Промедление в данной ситуации может привести к необратимой утрате или изменению вещественных доказательств под воздействием природных условий или действий посторонних лиц.

К числу обстоятельств, оправдывающих отступление от общего правила, исследователи также относят необходимость производства неотложного обыска или выемки, когда имеются основания полагать, что промедление позволит заинтересованным лицам уничтожить или скрыть доказательства; ситуации, в которых отсрочка следственного действия создает реальную угрозу продолжения преступной деятельности, сокрытия лиц, подлежащих привлечению к ответственности, или наступления иных тяжких последствий.

Таким образом, исключение из запрета носит не произвольный, а строго целевой характер и призвано обеспечить эффективность расследования в критических ситуациях, балансируя между необходимостью сбора доказательств и защитой права человека на отдых и приватность.

В отличие от гибкого подхода к ночным действиям, другое нравственное требование, закрепленное в части 4 статьи 164 УПК РФ, носит абсолютный и безусловный характер. Речь идет о запрете применения насилия, угроз, издевательств и иных незаконных мер при производстве любых следственных действий. Данный запрет не предусматривает никаких исключений, какими бы серьезными ни были обстоятельства дела. Его нарушение со стороны следователя или дознавателя может повлечь не только процессуальные последствия, но и уголовную ответственность по статье 302 Уголовного кодекса РФ «Принуждение к даче показаний».

Уголовный закон дифференцирует степень ответственности в зависимости от способа принуждения. Так, отягчающим обстоятельством по

части 2 статьи 302 УК РФ признается применение насилия, под которым понимается причинение физической боли, нанесение ударов или побоев, либо издевательств, выражающихся в глумлении, унижении человеческого достоинства, оскорбительных действиях. Особо квалифицированный состав по части 3 статьи 302 УК РФ предусмотрен для случаев применения пытки. С точки зрения уголовно-процессуального доказывания нарушение этого императивного запрета имеет фатальные последствия. Любые сведения, полученные в результате применения насилия, угроз или иного противоправного воздействия, в силу прямого указания статьи 75 УПК РФ признаются недопустимыми доказательствами. Это означает, что они не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения и использоваться для доказывания каких-либо обстоятельств по делу. Таким образом, нравственный запрет на насилие обеспечивается не только угрозой уголовного преследования для должностного лица, но и действенным процессуальным механизмом, лишаящим противоправно добытую информацию всякого доказательственного значения.

Второй императивный запрет, закрепленный в части 4 статьи 164 УПК РФ, касается недопустимости создания опасности для жизни и здоровья лиц, участвующих в производстве следственного действия. Подразумевается опасность конкретная и реальная, а не гипотетическая или мнимая. К примерам такой опасности можно отнести проведение осмотра в зоне с повышенным радиационным фоном, угрозу взрыва при исследовании боеприпасов или взрывчатых веществ, работу в условиях химического заражения и тому подобные ситуации. Наличие реальной угрозы исключает участие в таком действии даже добровольно согласившихся понятых, чья безопасность не может быть принесена в жертву интересам следствия. Примечательно, что данная норма, защищая рядовых участников, допускает профессиональный риск для самого следователя и сотрудников органа дознания, которые в силу своих должностных обязанностей могут вынужденно действовать в опасных условиях, но обязаны минимизировать любые риски для иных лиц.

В научной литературе справедливо обращается внимание на определенную лакуну в законодательном регулировании. Общие правила производства следственных действий, сформулированные в главе 22 УПК РФ, не содержат прямого требования об обеспечении сохранности имущества участников процесса и иных лиц. Между тем, бережное отношение к собственности граждан является естественным этическим требованием, вытекающим из конституционного принципа уважения и защиты частной собственности. В настоящее время законодатель специально оговаривает это правило лишь применительно к обыску. Согласно части 6 статьи 182 УПК РФ, при вскрытии помещений «не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества». Однако риск причинения имущественного ущерба может возникнуть и при производстве многих других действий, например, при осмотре, выемке, следственном эксперименте, как по неосторожности, так и в результате умышленных действий должностных лиц.

В связи с этим представляется обоснованным предложение, высказываемое рядом процессуалистов, о включении общего нравственного предписания о сохранности имущества в базовую статью 164 УПК РФ. Такая норма могла бы быть добавлена в виде новой части 4.2 и иметь следующую формулировку: «При производстве следственных действий недопустимо не вызываемое необходимостью повреждение или уничтожение имущества участников судопроизводства и иных лиц». Закрепление этого правила на уровне общих положений позволило бы распространить его на весь спектр следственных действий, что усилило бы этическую составляющую процесса. Соответственно, специальное упоминание о недопустимости повреждения имущества в статье 182 УПК РФ в этом случае могло бы быть исключено как дублирующее.

Говоря о проблемах реализации нравственных начал при производстве конкретных следственных действий, особого внимания заслуживает обыск. Это действие связано с наиболее глубоким вторжением в частную сферу личности,

что предъявляет повышенные требования к его этическому сопровождению. Законодатель, осознавая эту специфику, в части 7 статьи 182 УПК РФ закрепляет специальное нравственное предписание, обязывающее следователя: «принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц». Данная норма направлена на минимизацию морального вреда, причиняемого обыском, и защиту интимных сторон жизни человека от неправомерного разглашения, что подчеркивает значение принципа уважения чести и достоинства даже в рамках столь жесткого принудительного действия.

Помимо этических проблем, связанных с вторжением в частную сферу при производстве следственных действий, отдельного внимания заслуживает нравственная напряженность при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу на досудебной стадии.

Показателен в этом смысле судебный акт об избрании заключения под стражу в отношении ФИО1, обвиняемого в особо крупном мошенничестве¹ (ч. 4 ст. 159 УК РФ). Судья, формально воспроизводя запрет входить в оценку доказательств, тем не менее обосновал арест тяжестью обвинения, отсутствием регулярного дохода, проживанием не по месту регистрации и прошлой судимостью за убийство и разбой. На этом основании сделан вывод о возможном побеге или воспрепятствовании расследованию.

С нравственной точки зрения здесь возникают три дилеммы. Первая – низкий стандарт доказывания («достаточные данные» вместо «вне разумных сомнений») позволяет лишить свободы на длительный срок на основе подозрений, которые впоследствии могут не подтвердиться. Вторая – учёт прошлых судимостей создаёт риск «стигматизации», когда прошлое необоснованно влияет на оценку текущего дела, даже если суд использует его

¹ Решение Березовского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27 ноября 2025 г. по делу № 2-546/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wv8cmZc0yoU/> (дата обращения: 25.12.2025).

лишь для прогноза поведения. Третья – отсутствие анализа альтернативных мер (домашний арест, запреты) при формальном отказе от них порождает сомнение в том, что заключение под стражу действительно было единственно возможным решением. Несмотря на указанные противоречия, постановление содержит важную процессуальную гарантию – разъяснение права на обжалование и личное участие в апелляции, что смягчает этические издержки. Таким образом, избрание стражи остаётся «точкой напряжения» между публичным интересом и личной свободой, а этическая оправданность судебного решения напрямую зависит от реальной, а не формальной проверки обоснованности подозрения и взвешенной оценки альтернатив.

Согласно системному толкованию норм, требование о неразглашении обстоятельств частной жизни, закрепленное для обыска в части 7 статьи 182 УПК РФ, в полной мере распространяется и на производство выемки. Статья 183 УПК РФ, регламентирующая выемку, не содержит каких-либо изъятий по этому вопросу, что позволяет распространить на неё общий этический императив о защите интимной сферы личности. Исследователи справедливо указывают, что само вторжение в жилище или личное пространство, даже с санкции закона, порождает встречный нравственный долг государства – обязанность сохранить полученную информацию о частной жизни в тайне и минимизировать моральный вред от вмешательства¹.

Однако закрепление этого важнейшего требования лишь применительно к обыску и выемке представляет собой лишь частичное решение проблемы. Участники производства любых других следственных действий будь то осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент или проверка показаний на месте также могут получить доступ к сведениям, составляющим личную или семейную тайну как участников процесса, так и посторонних лиц. Эти сведения могут быть восприняты невольно или, что хуже, умышленно зафиксированы, а затем неправомерно распространены, что является грубым нарушением морального запрета.

¹ Медведев С.И., Щелконогова И.С. Указ. соч. С. 107.

В связи с этим представляется логичным и необходимым универсализировать данное нравственное предписание, распространив его на все без исключения следственные действия. Этого можно достичь путем дополнения статьи 164 УПК РФ новой частью 4.3 следующего содержания: «При производстве следственных действий следователь обязан принимать меры для неразглашения ставших известными обстоятельств частной жизни лиц, в них участвующих, а также иных лиц, их личной или семейной тайны». Подобное предложение находит поддержку в научной литературе. Его реализация позволила бы создать единую правовую основу для защиты приватности. В этом случае на лиц, участвующих в следственном действии, можно было бы официально возложить обязанность о неразглашении в порядке статьи 161 УПК РФ, что открывает возможность привлечения нарушителя к уголовной ответственности по статье 310 УК РФ за разглашение данных предварительного расследования.

Ряд специальных нравственных требований содержат также нормы, регулирующие производство допроса. Ключевым из них является право свидетеля, закрепленное в части 4 статьи 56 УПК РФ, отказаться от дачи показаний против себя самого, своего супруга (супруги) и близких родственников. Данное право имеет глубокое нравственное и гуманистическое содержание, основанное на фундаментальных чувствах самосохранения, любви и семейной солидарности. Императивное требование свидетельствовать во вред себе или своим близким было бы не только правовым, но и глубоко этическим нарушением.

Еще одно ярко выраженное нравственно-этическое положение содержится в части 3 статьи 56 УПК РФ, в соответствии с которой не подлежит допросу в качестве свидетеля священнослужитель об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди. Эта норма охраняет одну из древнейших и наиболее уважаемых в цивилизованном обществе тайн – тайну исповеди, обеспечивая независимость духовной сферы от вмешательства государства и подчеркивая уважение к религиозным чувствам и институтам.

Указанное положение УПК РФ корреспондирует с нормами Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹, который прямо устанавливает, что тайна исповеди охраняется законом, а священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, ставшим ему известными из исповеди. Как отмечает Н.Г. Муратова, данная тайна, несмотря на свой особый статус, носит относительно абсолютный характер и теоретически может быть нарушена в исключительных случаях, когда возникает прямая угроза фундаментальным ценностям, например, жизни и безопасности людей².

В уголовно-процессуальной науке и практике закономерно возникают вопросы о границах данного иммунитета: какие именно представители религиозных организаций могут им воспользоваться, и допустим ли допрос в ситуации, если священнослужитель сам выражает желание дать показания? Важное разъяснение по этому поводу дал Конституционный Суд Российской Федерации, указав, что запрет принуждать лицо к даче показаний не исключает права такого лица дать их добровольно³. Таким образом, священнослужитель вправе раскрыть сведения, полученные на исповеди, но только по собственному свободному волеизъявлению, без какого-либо давления со стороны государства, и при условии, что ему разъяснены возможные последствия такого шага, включая использование его показаний в качестве доказательств.

На практике применение этого свидетельского иммунитета сталкивается с рядом сложностей. Как отмечает М.А. Малина, законодательное закрепление

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

² Муратова Н.Г., Муратов К.Д. Нормативно-правовая основа нравственных начал оперативно-розыскного доказывания по уголовному делу // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы VI Международной научно-практической конференции (Симферополь-Алушта, 26–27 апреля 2018 года). Симферополь-Алушта, 2018. С. 85.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 1507-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусака Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6, статьей 7 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

свидетельского иммунитета воспринимается зачастую формально¹. Кроме того, возникают проблемы, связанные с религиозным многообразием современной России. Существующая норма исторически ориентирована на традиционные религии. Однако в стране действует множество религиозных объединений с нетипичными для российской культуры обрядами и практиками. Вопрос о том, распространяется ли иммунитет на их «аналоги исповеди», часто решается на усмотрение правоприменителя, чьи познания в области религиоведения могут быть ограничены, что создает риск неравенства и нарушения прав.

Наряду с этическими проблемами производства следственных действий, отдельного внимания заслуживают дилеммы, возникающие при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях, в частности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В отличие от приговора, где суд исходит из стандарта «виновность вне разумных сомнений», при решении вопроса о заключении под стражу достаточно «достаточных данных» о причастности лица к преступлению (п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ). При этом суду запрещено оценивать доказательства с точки зрения полноты обвинения и тем более обсуждать виновность. Такое правовое решение создает очевидный моральный конфликт, который проявляется в реальных судебных актах.

В качестве иллюстрации можно привести постановление об аресте ФИО1, обвиненного по ч. 4 ст. 159 УК РФ². Судья, дословно повторив законодательное ограничение о невозможности входить в оценку доказательств, тем не менее обосновывает изоляцию тяжестью обвинения, отсутствием регулярного дохода, проживанием не по месту регистрации и наличием в прошлом судимости за убийство и разбой. На этом основании сделан вывод о том, что обвиняемый может скрыться или помешать расследованию. С нравственной точки зрения здесь видны три ключевых противоречия. Первое: пониженный стандарт доказывания против презумпции невиновности. Использование лишь

¹ Малина М.А. Презумпция невиновности – одна из ключевых гарантий воплощения нравственных начал в российском уголовном процессе // Российский судья. 2024. № 4. С. 26.

² Постановление Останкинского районного суда г. Москвы от 27 ноября 2025 г. по делу № 3/1-0222/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m2KW4S3t9I1d/> (дата обращения: 25.12.2025).

«достаточных данных» для лишения свободы на длительный срок чревато тем, что человек окажется под стражей из-за подозрений, которые в дальнейшем не подтвердятся. Суд, по сути, вынужден доверять следствию без полноценной проверки материалов, что нередко ведет к автоматическому удовлетворению ходатайств и снижает доверие к правосудию. Второе: учет предыдущих судимостей. Ссылка на прошлые особо тяжкие преступления позволяет составить объективное представление о личности. Однако здесь есть риск «стигматизации»: прошлое может неосновательно повлиять на оценку текущего дела. Суд пытается нейтрализовать этот риск, используя судимость не для доказательства виновности, а исключительно для прогноза поведения. Но грань между оправданным прогнозом и предубеждением остается зыбкой. Третье: игнорирование альтернатив. В постановлении сказано, что иная мера «не будет гарантией» ненадлежащего поведения обвиняемого. Однако не приводится анализа, почему домашний арест или запрет определенных действий не подходят для лица, обвиняемого в экономическом преступлении. Этически оправданным было бы требование мотивировать необходимость именно стражи, а не ограничиваться ссылкой на тяжесть обвинения.

Следует отметить и положительный момент: постановление разъясняет обвиняемому право обжалования и личного участия в апелляционной инстанции. Даже при аресте человек сохраняет возможность контролировать законность этого решения, что является важной процессуальной гарантией и противовесом государственной власти. Избрание заключения под стражу — это «узел напряжения», где сталкиваются публичный интерес и личная свобода, презумпция невиновности. Нравственная состоятельность судебного акта зависит от того, насколько судья, не выходя за рамки своих полномочий, реально проверяет обоснованность подозрения, взвешивает риски и рассматривает альтернативы. Практика показывает, что достижение такого баланса остается одной из наиболее острых моральных проблем современного уголовного процесса.

Итоги третьей главы исследования позволяют сформулировать следующие выводы. Доказывание является центральным элементом уголовно-процессуальной деятельности и не может рассматриваться исключительно как технико-юридическая процедура, поскольку имеет глубокую нравственную основу, пронизывающую всю систему судопроизводства и обеспечивающую его соответствие идеям справедливости, гуманизма и уважения к личности. Моральные принципы выступают внутренним смысловым стержнем процесса установления истины. Эти императивы не остаются лишь в сфере неформальной этики, а получают обязательное нормативное закрепление в уголовно-процессуальном законе, что придает им силу общеобязательного предписания и обеспечивает государственно-властной поддержкой. Данное закрепление реализуется законодателем на двух взаимосвязанных уровнях: уровень базовых принципов (глава 2 УПК РФ), где сконцентрированы фундаментальные нравственные начала (законность, уважение чести и достоинства, неприкосновенность личности, жилища, тайна частной жизни), и уровень конкретных процедурных норм, где эти принципы детализируются в правилах, регулирующих отдельные аспекты доказывания.

В связи с выявленными проблемами соблюдения этических требований на практике, в частности при производстве следственных действий, представляется необходимым совершенствование законодательного регулирования. Во-первых, для последовательной защиты права собственности и устранения пробела предлагается дополнить статью 164 УПК РФ нормой, универсально запрещающей не вызываемое необходимостью повреждение или уничтожение имущества при производстве любых следственных действий. Во-вторых, для защиты неприкосновенности частной жизни предлагается ввести в ту же статью общее правило, обязывающее следователя принимать меры к неразглашению обстоятельств частной жизни и личной тайны, ставших известными в ходе любого следственного действия. Это создаст единую основу для ответственности за подобные нарушения.

Относительно тайны исповеди следует вывод, что священнослужитель, обладая свидетельским иммунитетом (п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ), вправе, но не обязан хранить эту тайну и может дать показания исключительно по добровольному волеизъявлению без какого-либо принуждения. Кроме того, для учета современного религиозного многообразия предлагается уточнить указанную норму, расширив защиту на информацию, полученную из «иного обряда, выполняющего аналогичную сакрально-доверительную функцию», что обеспечит равную защиту для последователей всех официально признанных религий и соответствует принципу свободы совести. Таким образом, нравственные начала, будучи стержнем доказательственной деятельности, требуют своего последовательного и универсального закрепления в процессуальных нормах для реального обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение проведенного комплексного исследования можно констатировать, что доказывание в российском уголовном процессе представляет собой сложный, многоаспектный правовой и социальный институт, находящийся на стыке формального права, морали и профессиональной этики. Его анализ подтверждает, что доказывание выступает не просто технической процедурой, а центральным механизмом, от качества и легитимности которого напрямую зависит реализация конституционного назначения уголовного судопроизводства – защиты прав личности и справедливого правосудия.

Сущность доказывания раскрывается в его двойственной природе. С одной стороны, это специфическая форма познавательной деятельности, направленной на реконструкцию картины прошлого события. С другой – это строго регламентированная законом процедура, обеспечивающая легитимность полученных знаний и их преобразование в юридически значимые доказательства. Современная доктрина справедливо отошла от абсолютизированной цели достижения объективной истины, приняв в качестве практического ориентира установление формальной (процессуальной) истины – картины событий, доказанной и удостоверенной в строгом соответствии с процедурой УПК РФ, что является достаточным для вынесения законного и справедливого решения.

Исследование подтвердило ключевую роль активного и реального участия адвоката-защитника в доказывании. Его деятельность, ограниченная в силу отсутствия властных полномочий, но наполненная правом на собирание и представление сведений, выступает необходимым противовесом обвинительному уклону и важнейшей гарантией всесторонности, полноты и объективности расследования. Для преодоления существующих барьеров, таких как формальный отказ в приобщении доказательств и слабая мотивировка решений следствия, предлагается не ограничивать

процессуальную самостоятельность следователя, а ввести институт «защитительного заключения». Этот документ позволит систематизировать позицию защиты и донести её в полном объеме до суда уже на досудебных стадиях, существенно усиливая реальную состязательность процесса.

Правовой режим использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании характеризуется существенной неопределенностью, порождающей риски нарушения прав личности. Ключевое противоречие заключается между формальным соблюдением норм закона об ОРД и необходимостью безусловного соответствия более строгим уголовно-процессуальным стандартам допустимости доказательств, особенно в части обеспечения права на защиту. Для устранения этого противоречия необходима не абстрактная, а детальная законодательная регламентация. Она должна включать прямое включение результатов ОРД в перечень доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) при условии их надлежащего процессуального оформления, четкую процедуру их проверки и легализации по мотивированному решению следователя или суда, а также исчерпывающие основания для запрета их использования, связанные с нарушением конституционных прав, что требует новой редакции статьи 89 УПК РФ.

Уголовно-процессуальная деятельность, сопряженная с максимальным вторжением в права личности, в первую очередь должна опираться на прочный нравственно-этический фундамент. Этот фундамент имеет двухуровневое нормативное закрепление: в виде базовых принципов (уважение достоинства, неприкосновенность личности и жилища, тайна частной жизни) и в конкретных процедурных нормах, которые переводят этические императивы в практические правила поведения. Соблюдение этих норм, таких как запрет ночных действий, насилия, создание опасности или обеспечение тайны частной жизни, является не формальностью, а условием моральной оправданности власти и легитимности её решений.

Для усиления этической составляющей доказывания на уровне правоприменения обоснованы конкретные законодательные инициативы. Во-

первых, включение в ст. 164 УПК РФ общего требования о недопустимости не вызываемого необходимостью повреждения имущества при любом следственном действии. Во-вторых, универсализация требования о неразглашении обстоятельств частной жизни, ставших известными при производстве любого следственного действия, с закреплением этой обязанности в той же базовой статье. В-третьих, уточнение свидетельского иммунитета священнослужителя (п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ) с целью распространения его на все официально зарегистрированные религиозные объединения и обряды, выполняющие сакрально-доверительную функцию, при сохранении права на добровольное дачу показаний.

Таким образом, доказывание в уголовном процессе России предстает как динамичный институт, эффективность и справедливость которого зависят от постоянного поддержания сложного баланса. Это баланс между необходимостью раскрытия преступлений и безусловным уважением прав человека, между властными полномочиями государства и процессуальными возможностями защиты, между формальной процедурой и её глубинным нравственным содержанием. Дальнейшее развитие доказательственного права и практики должно быть направлено на укрепление этого баланса через детализацию процедур, усиление реальных гарантий состязательности и последовательную гуманизацию всей доказательственной деятельности. Только на этом пути возможно построение уголовного судопроизводства, которое не только карает виновных, но и в каждой своей процедуре утверждает ценности правового государства и достоинство личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. : с учетом поправок, внес. Законом Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 4 окт. 2022 г. № 8-ФКЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 8. – Ст. 1416.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

5. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

6. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Бабенкова, В.Р. Основные проблемы определения цели доказывания в уголовном процессе / В.Р. Бабенкова, М.И. Крюкова, А.Ю. Труфанова // Интеллектуальный потенциал России 2023: сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 06 февраля 2023 года). – Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2023. – С. 106-108.

2. Бастрыкин, А.И. Об объективной истине в уголовном процессе: история и современность / А.И. Бастрыкин // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 1. – С. 18-29.

3. Безлепкин, Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие / Б.Т. Безлепкин. – М.: Проспект, 2018. – 304 с.

4. Белкин, А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин. – М.: Норма, 2005. – 528 с.

5. Березовская, А.А. Оценка доказательств в уголовном деле в условиях информатизации / А.А. Березовская // Трансформация права: материалы IV всероссийского научно-практического форума молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 22–27 ноября 2021 года). – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2022. – С. 800-805.

6. Глущенко, Д.В. Современные проблемы нравственных аспектов в доказывании уголовных дел / Д.В. Глущенко // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: сборник научных трудов (Екатеринбург, 17 апреля 2021 года). Выпуск 6. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2021. – С. 32-35.

7. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / Н.А. Громов [и др.]. – М.: Приориздат, 2005. – 155 с.

8. Зацепина, О.А. Порядок действий (алгоритм) при использовании результатов ОРД в доказывании по уголовным делам / О.А. Зацепина // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 7(21). – С. 52-55.

9. Зыкова, Т.В. Некоторые проблемы использования результатов ОРД в доказывании / Т.В. Зыкова // Наука и образование в жизни современного общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 18 частях (Тамбов, 29 ноября 2013 года). – Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2013. – С. 46-47.

10. Климова, Я.А. Нравственные основы уголовно-процессуального доказывания / Я.А. Климова, А.А. Семикина // Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции по охране общественного порядка и иных служб ОВД: материалы межведомственной научно-практической конференции (Волгоград, 25 сентября 2020 года). – М.: Спутник+, 2020. – С. 10-13.

11. Козявин, А.А. Основы теории социального назначения и функций уголовного процесса: учебное пособие / А.А. Козявин. – Курск: Индивидуальный предприниматель Горохов А. А., 2013. – 316 с.

12. Крапива, И.И. К проблеме использования результатов ОРД в процессе доказывания / И.И. Крапива // Военно-юридический журнал. – 2007. – № 12. – С. 14-16.

13. Кузьмина, О.В. Нравственные начала доказывания по уголовным делам / О.В. Кузьмина // Научный поиск. – 2016. – № 2.1. – С. 32-35.

14. Кучерук, Д.С. Проблемы использования результатов ОРД при доказывании по уголовным делам о взяточничестве / Д.С. Кучерук // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 2(13). – С. 306-310.

15. Ларин, А.М. Доказывание и предпроцессуальная деятельность защитника / А.М. Ларин // Адвокатура и современность. – Москва, 1987. – С. 84-93.

16. Латыпов, В.С. Оптимизация процесса собирания доказательств по уголовным делам в досудебном производстве / В.С. Латыпов, А. А. Афанасьева. – М.: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. – 184 с.

17. Малина, М.А. Презумпция невиновности – одна из ключевых гарантий воплощения нравственных начал в российском уголовном процессе / М.А. Малина // Российский судья. – 2024. – № 4. – С. 24-29.

18. Медведев, С.И. Нравственные основы в доказывании уголовных дел / С.И. Медведев, И.С. Щелконогова // Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции: материалы внутриведомственной

научно-практической конференции (Волгоград, 30–31 марта 2022 года). – М.: Спутник+, 2022. – С. 105-108.

19. Мельников, В.Ю. Проблемные вопросы уголовного права и процесса. Том 1 / В.Ю. Мельников, К.А. Долгополов. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2021. – 538 с.

20. Муратова, Н.Г. Нормативно-правовая основа нравственных начал оперативно-розыскного доказывания по уголовному делу / Н.Г. Муратова, К.Д. Муратов // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы VI Международной научно-практической конференции (Симферополь-Алушта, 26–27 апреля 2018 года). – Симферополь-Алушта: Ариал, 2018. – С. 84-86.

21. Назаров, И.Д. Нравственные проблемы тактики судебного доказывания / И.Д. Назаров // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2016. – Т. 1, № 2. – С. 131-138.

22. Роль юридических наук в развитии правовой культуры российского общества: сборник статей по материалам IV Межвузовской научной студенческой конференции (Владивосток, 20 марта 2025 года). – Владивосток: Университет прокуратуры РФ, 2025. – 561 с.

23. Седолобова, О.М. Использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам / О.М. Седолобова // Проблемы и перспективы современного права: сборник статей Международной научно-практической конференции (Уфа, 20 марта 2015 года) / ответственный редактор А. А. Сукиасян. – Уфа: Аэтерна, 2015. – С. 112-116.

24. Селина, Е.В. Нравственные начала уголовного судопроизводства / Е.В. Селина // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 4. – С. 794-804.

25. Смирнова, И.Г. Аксиологическая детерминанта достоверности доказательств через призму судебной практики / И.Г. Смирнова // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1(75). – С. 121-125.

26. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1 / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – 469 с.

27. Уголовный процесс: учебник / Б.Я. Гаврилов, В.К. Бобров, В.П. Божьев [и др.]. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 572 с.

28. Уголовный процесс: учебник / И.Л. Бедняков, М.Ю. Жирова, А.Ф. Закотянская [и др.]. – М.: Юстиция, 2019. – 654 с.

29. Уголовный процесс: учебник для вузов / Б.Б. Булатов, А.М. Баранов, А.Н. Артамонов [и др.]. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 630 с.

30. Францифоров, Ю.В. Уголовный процесс: учебное пособие / Ю.В. Францифоров, Н.С. Манова. – 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 244 с.

31. Цымбалюк, Е.А. Нравственные основы доказывания в уголовном процессе России / Е.А. Цымбалюк, А.А. Подопригора // Правовой порядок и юридическая деятельность: сборник научных статей II Всероссийской национальной конференции студентов, магистрантов и молодых ученых (Ростов-на-Дону, 07 февраля 2023 года) / под редакцией А.В. Фёдорова, Г.С. Працко. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2023. – С. 420-424.

32. Юдина, М.В. Проблема определения добросовестного поведения в российской юриспруденции: теория и практика / М.В. Юдина // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2025. – № 2-2. – С. 530-537.

III. Эмпирические материалы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 1.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 4.

3. Приговор Промышленного районного суда Оренбургской области от 23 сентября 2025 г. по делу № 125/19/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

4. Приговор Промышленного районного суда Оренбургской области от 26 ноября 2025 г. по делу № 125/16/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hWdOpmSMdQUn/> (дата обращения: 25.12.2025).

5. Постановление Останкинского районного суда г. Москвы от 27 ноября 2025 г. по делу № 3/1-0222/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m2KW4S3t9I1d/> (дата обращения: 10.01.2026).

6. Решение Березовского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27 ноября 2025 г. по делу № 2-546/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wv8cmZc0yoU/> (дата обращения: 25.12.2025).

7. Определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 10. – Ст. 1164.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 327-О «По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об

оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

9. Определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2005 г. № 473-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

10. Определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. № 3356-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сартакова Александр Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

11. Определение Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 2756-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахмеджанова Руслана Батыровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

12. Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 1507-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусака Александр Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6, статьей 7 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

13. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

14. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 1996-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Рустама Идрисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

15. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 7 февраля 2018 г. № 73-О18-1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2025).

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений, составляющих государственную и (или) служебную тайну.

А.Д. Куракин